

ДАНИЭЛА СТИЛ

Голос сердца

Миры Даниэлы

Даниэла Стил
Голос сердца

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Голос сердца / Д. Стил — «Издательство АСТ», 1991 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-699-44608-7

Билл Тигпен, сценарист и продюсер сверхпопулярного сериала, был столь сильно озабочен своей карьерой, что не заметил, как рухнул его брак. Теперь, девять лет спустя, его жизнь в Голливуде близка к идеалу. Профессиональный успех, ни к чему не обязывающие легкие связи, каникулы с сыновьями – чего еще желать?.. Адриана Таунсенд считала, что счастлива: у нее была любимая работа на ТВ, красивый преуспевающий муж, обеспеченная жизнь, ради которой они оба усердно трудились, – чем не американская мечта? Но когда она забеременела, супруг вместо радости выдвинул ультиматум: он или малыш! Билл и Адриана случайно встретились в супермаркете. И с первого взгляда на нее внезапно он осознал, что хочет чего-то большего – настоящую семью, женщину, которая его любит. Однако готов ли он снова жениться? Готов ли воспитывать чужого ребенка? Нет. Или?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-44608-7

© Стил Д., 1991

© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Даниэла Стил

Голос сердца

© Danielle Steel, 1991

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

*В тишине ночной слышен звук глухой,
Драгоценный звук, сладкий перестук,
Сердцем слышимый во тьме,
Льется музыкой во мне.*

*В сердце музыка звучит,
Бьется, плещется, стучит.
Ножек маленьких толчки
Так нежны и так легки.*

*Прекрасный дар небес,
Чудеснейший из всех чудес.
Коснись меня своей рукой,
Мои тревоги успокой.*

*Моя любовь, мои надежды
С тобою связаны, как прежде,
И сердце, как в ночи звезда,
Принадлежит тебе всегда.*

*Верны друг другу до конца,
Пусть в унисон стучат сердца!¹*

---

¹ Пер. Лепилиной Т. К.

Глава 1

Тишину кабинета нарушало стаккато старой пишущей машинки. В углу, где работал Билл Тигпен, висело облачко голубоватого дыма. На столе громоздились пластиковые чашки из-под кофе в опасной близости к краю стола, полные окурков пепельницы. Билл находился в цейтноте. Сдвинутые на темя очки, напряженное лицо, голубые глаза, вчитывающиеся в текст. Скорее, скорее... Взгляд через плечо на неумолимо отсчитывающие время настенные часы...

Билл печатал, словно понукаемый таящимися где-то рядом демонами. Его слегка тронутые сединой каштановые волосы были в беспорядке, доброе, исполненное благородства лицо гладко выбрито. Он не был красивым мужчиной в прямом смысле этого слова, но производил впечатление человека сильного, привлекательного, достойного внимательного взгляда, — человека, с которым хочется общаться. Но, конечно, не сейчас, когда он стонал, вновь и вновь поглядывая на часы, и заставлял свои пальцы еще быстрее бегать по клавишам машинки.

Наконец наступила тишина. Быстро сделав несколько исправлений ручкой, Билл вскочил и сгреб то, над чем работал на протяжении семи часов, с пяти утра. Скоро час дня... скоро эфир...

Он пулей пролетел по кабинету, рывком распахнул дверь, пронесся мимо стола секретарши, словно бегун на олимпийской дистанции, стремглав промчался по холлу, стараясь не наталкиваться на людей, не обращая внимания на удивленные взгляды и дружеские приветствия коллег, затем нетерпеливо постучал в дверь и, когда она слегка приоткрылась, просунул пачку отпечатанных листов с только что внесенными исправлениями.

Это была знакомая процедура. Она происходила раз, два, иногда три или четыре раза в месяц, когда Билл решал, что ему не нравится, как развивается сюжет его детища — самого популярного дневного телесериала. Как только Билла посещали сомнения, он задумывался, полностью уходил в себя, потом писал один-два отрывка, переворачивал все с ног на голову и только после этого успокаивался.

Агент называл Билла самой беспокойной мамашей на телевидении, но при этом, конечно, понимал, что никто из сценаристов не может с ним тягаться. Билл Тигпен обладал безотказным чутьем на такие сюжетные повороты, которые поддерживали интерес к его сериалу. Оно пока ни разу не подводило.

«Ради жизни стоит жить» неизменно был популярнейшим дневным сериалом американского телевидения. В свое время Уильям Тигпен взялся за него ради заработка, когда, будучи молодым драматургом, бедствовал в Нью-Йорке. Сначала родилась концепция, потом сценарий первой серии.

В тот момент у Билла наступил промежуток в работе над пьесами, которые он писал для третьеразрядных театров. Тогда он был фанатиком своего дела — ставил театр превыше всего. Был женат, жил в крошечной квартире в Сохо и чуть ли не голодал. Его жена Лесли танцевала на сценах Бродвея, однако, забеременев их первенцем, тоже потеряла работу.

Поначалу Билл посмеивался над иронией судьбы, которая заставила его взяться за «мыльные оперы». Но по мере того как он сражался со сценарием, шутки уступали место одержимости. Он обязан был это одолеть... ради Лесли... ради их ребенка. И, по правде говоря, эта работа стала ему нравиться. Даже очень. Да и телекомпания была довольна тем, что он сочинил. Они пришли в полный восторг от первых же серий, снятых в кратчайшие сроки.

Малыш и телесериал родились почти одновременно. Первый оказался замечательным девятифунтовым мальчуганом с голубыми, как у отца, глазами и ореолом золотистых кудряшек на головке. Они с Лесли назвали сына Адамом. Второй прошел пробным показом в течение месяца, сразу набрав высокий рейтинг и вызвав своим исчезновением в сентябре бурю недовольства зрителей.

Через два месяца «Ради жизни стоит жить» вернулся на экраны, а перед Биллом Тигпенем открылась перспектива стать создателем самого популярного дневного телесериала всех времен. Потом наступила пора серьезного выбора.

Написанные им первоначальные эпизоды сериала так понравились актерам и режиссеру, что карьера драматурга вскоре была забыта. Его животворным эликсиром стало телевидение.

Биллу предложили за сюжет уйму денег. Он мог бы спокойно жить на проценты и писать дома пьесы. Но к тому времени сериал стал для него любимым детищем, он не мог бы заставить себя бросить его, а тем более продать. Все придуманные сюжетные ходы Билл представлял себе реально и придавал большое значение затронутым им темам. Он словно беседовал со зрителем о жизни, разочарованиях, гневе, печали, победах, восторгах, любви, красоте, делился самым сокровенным.

Сериал нес людям надежду, свет – такова была идея главной сюжетной линии, положительными были и главные герои. Конечно, в нем присутствовали и отрицательные персонажи, но в конце концов все их интриги разоблачались и побеждали не они.

Детище Билла обладало некой принципиальной цельностью, чем и снискало себе множество верных почитателей, отражало суть своего творца – жизнелюбие, порядочность, доверчивость, доброту, наивность, интеллигентность, склонность к творчеству. И Билл любил свой сериал почти так же, как любил Адама и Лесли.

В те первые дни работы на телевидении он испытывал постоянное раздвоение: ему хотелось быть с семьей и в то же время присматривать за сериалом, дабы быть уверенным, что тот на правильном пути и не искажается по прихоти редактора или режиссера. Билл никому не доверял и сам все контролировал: он расхаживал по павильону, волнуясь, как бы чего не случилось, присутствовал почти на всех съемках, без конца давал советы всем – от режиссера до ассистента реквизитора – и к тому же успевал еще писать новые куски сценария.

К концу первого года стало ясно, что Билл Тигпен никогда не вернется на Бродвей. Он был заморожен, пойман в ловушку, безумно влюблен в телевидение и собственный сериал. Билл даже перестал извиняться перед театральными друзьями и открыто признавал, что любит свое новое дело. В один из вечеров после многочасовой работы над новыми сюжетами, персонажами и идеями к предстоящему сезону он объявил Лесли, что ничем другим заниматься не желает.

Билл уже не мог представить своей жизни без своих героев, актеров, хитросплетений сюжета, лавины трагедий, переживаний и проблем. Сериал транслировали пять дней в неделю, но даже когда у Билла не было никакой необходимости присутствовать в павильоне, сериал все равно заменял ему и пищу, и воду, и воздух, и сон. В съемочной группе были авторы, которые подробно расписывали сценарий по репликам, но Билл постоянно контролировал их работу. Он имел на это право, потому что был виртуозом в своем деле, и никто из телевизионщиков не возражал против его вмешательства. Он был великолепным профессионалом. Билл инстинктивно угадывал, что сработает, а что нет, какие сюжетные ходы заинтригуют зрителей, какие персонажи им понравятся, а каких они возненавидят.

Когда через два года у Билла родился второй сын, Томми, сериал «Ради жизни стоит жить» завоевал два приза критики и «Эмми». Именно после получения первого «Эмми» телекомпания предложила перенести съемки сериала в Калифорнию. Руководству компании это показалось более разумным в творческом и организационном плане.

Билла эта новость обрадовала, чего нельзя было сказать о его жене Лесли. Она собиралась вновь приступить к работе, но уже не в качестве танцовщицы кордебалета на Бродвее. Пока Билл день и ночь писал о кровосмешении, беременности юных девочек и внебрачных любовных связях, она посещала балетную школу и теперь намеревалась вести танцевальный класс в Джулиардской школе.

– Что ты сказала? – с изумлением уставился на жену Билл, когда воскресным утром они сидели за завтраком.

Все у них складывалось хорошо, он прекрасно зарабатывал, ребята были замечательные – лучше не придумаешь. Так было до того злополучного утра.

– Я не могу, Билл. Я не поеду с тобой в Калифорнию.

Она кротко посмотрела на него. Такими же добрыми и выразительными были ее большие карие глаза, когда он впервые познакомился с ней у театра. Лесли тогда было двадцать лет. Это была добрая, порядочная и скромная девушка, отзывчивая, застенчивая и тонко чувствующая юмор. В те первые годы они много смеялись и до поздней ночи разговаривали в арендованной мрачной и холодной квартире.

Лишь совсем недавно Билл приобрел новые, прекрасные и очень дорогие апартаменты в Сохо. Он даже велел оборудовать жене место для занятий – зеркало во всю стену и балетный станок, чтобы Лесли могла упражняться дома.

И вдруг она заявляет, что все кончено.

– Но почему, Лес? Ты хочешь сказать, что не желаешь покидать Нью-Йорк?

Билл, казалось, был озадачен, а она, с полными слез глазами, покачала головой, отвернулась на мгновение, потом снова посмотрела ему в глаза. От этого взгляда у Билла зануло сердце – в нем были гнев, разочарование, крушение надежд...

Он в ужасе задал себе вопрос, который еще пару месяцев назад не пришел бы ему в голову: а не разлюбила ли его жена?

– В чем дело? Что случилось?

«Как я мог это упустить? – спрашивал он себя. – Как я мог быть таким глупым?»

– Не знаю... ты стал другим... – Лесли снова покачала головой, махнув длинными темными волосами. – Нет... я несправедлива... мы оба стали другими...

Лесли глубоко вздохнула и попыталась все ему объяснить. Прожив с Биллом пять лет и имея от него двоих детей, она считала это своим долгом.

– Мне кажется, мы поменялись местами. Раньше я хотела стать великой звездой Бродвея, выдающейся танцовщицей, а твоим желанием было лишь писать пьесы, наполненные «глубоким смыслом». И вот твоя мечта сбылась...

Грустно улыбнувшись, Лесли замолчала, подыскивая нужные слова.

– Ты стал писать коммерческие вещи и одержим этим. Последние три года ты думаешь только о своем сериале: выйдет ли Шейла за Джейка?.. Пытался ли Ларри в самом деле убить собственную мать?.. «Голубой» Генри или нет?.. Лесбиянка ли Марта?.. Бросит ли она мужа ради некой женщины?.. Кто истинные родители Хилари?.. Сбежит ли Мери из дома?.. Будет ли она снова употреблять наркотики?.. Является ли Хелен незаконнорожденной?.. Выйдет ли она за Джона?

Лесли встала и, продолжая твердить знакомые имена, принялась расхаживать по комнате.

– Честно говоря, я уже свихнулась. Я больше не хочу о них слышать, не хочу с ними жить. Я хочу вернуться к простому, нормальному существованию, мечтаю снова заниматься танцами, серьезно преподавать. Я хочу обычной, спокойной жизни, без всего этого полуправдоподобного дерьма. Иногда мне кажется, что все эти Хилари, Шейлы и Джейки дороже тебе, чем я и наши мальчики.

Она с несчастным видом посмотрела на Билла, и тому захотелось расплакаться. Он был круглым дураком. Пока жил в мире вымышленных друзей, он терял людей, которых по-настоящему любил, и даже не отдавал себе в этом отчета.

И все же Билл не мог пообещать жене, что все бросит, продаст свои авторские права на сериал, снова вернется к сочинительству пьес и будет обивать пороги продюсеров, выклянчивая деньги на их постановку. Как он теперь мог так поступить? К тому же он просто любил

свой сериал, который позволил ему поверить в свои силы и возможности, реализовать их и почувствовать себя счастливым...

И вот теперь, когда он находится на гребне успеха, Лесли уходит. Это какая-то злая ирония. Сериал пользуется огромной популярностью, его автор тоже, а она тоскует по дням, когда они жили впроголодь.

– Я сожалею.

Он пытался заставить себя быть спокойным и рассудительным.

– Я понимаю, что последние три года был целиком погружен в работу над сериалом, но мне казалось необходимым контролировать его. Если бы я выпустил его из рук, передал кому-то другому, то они могли бы обеднить его, превратить в банальное, слезливое, тошнотворное барахло, годное разве только для пожилых домохозяек. Я не мог этого позволить. А сериал все-таки получился цельным. Ты, Лес, можешь это признавать или нет, но именно это нравится телезрителям. Но я не всегда буду так с ним возиться. Я думаю, в Калифорнии все пойдет иначе... более профессионально... более ответственно, я чаще смогу отключаться от него и больше времени посвящать тебе и детям.

Билл теперь писал лишь основные сюжетные линии, но продолжал контролировать съемочный процесс.

Лесли лишь недоверчиво покачала головой. Она хорошо знала мужа. Когда он писал свои ранние пьесы, дело обстояло так же. Он мог работать два месяца без всякой передышки, не думая о еде, сне или еще о чем-либо. Но тогда это продолжалось всего два месяца, и Лесли находила в этом какую-то прелесть. Теперь ей уже так не казалось. Она была сыта всем по горло: его интенсивной работой, одержимостью, стремлением к совершенству.

Лесли знала, что Билл любит ее и мальчиков, но не так, как она об этом мечтала. Ей хотелось, чтобы муж уходил на работу в девять и приходил в шесть, мог поговорить с ней, поиграть с детьми, помочь приготовить ужин, сходить с ней в кино. А вместо этого он работал ночь напролет и утром, измученный, с безумными глазами, выбегал из дому с пачкой исписанных листов, чтобы успеть в съемочный павильон к десяти тридцати. Это было чересчур, слишком изнурительно, и за три года ей все надоело. Лесли начинало казаться, что при очередном упоминании названия сериала или имен персонажей, круг которых все время расширялся, с ней непременно случится истерика.

– Лесли, детка, дай мне шанс, пожалуйста. В Лос-Анджелесе все будет здорово. Только подумай – ни снега, ни холодной погоды. И для ребят такой климат подойдет как нельзя лучше. Можно будет возить их на пляж... иметь бассейн прямо во дворе... и ездить в Диснейленд.

Но Лесли только недоверчиво качала головой. Она знала его лучше.

– Нет, это я буду иметь возможность возить их в Диснейленд и на пляж. А ты будешь все время работать, в том числе и ночью – писать, исправлять, переписывать. Когда ты последний раз был с мальчиками в зоопарке или где-нибудь еще?

– Ну ладно... ладно... допустим, я слишком много работаю... допустим, я никуда не годный отец... или прохвост, или плохой муж, или все это вместе взятое, но, ради бога, Лес, мы же не один год по-настоящему голодали. А теперь, посмотри, ты можешь иметь все, что хочешь, и наши мальчики тоже. Придет время, и мы сможем отдать их в престижные школы, а потом и в колледж. Разве это так плохо? Согласен, мы пережили несколько трудных лет, но теперь все наладится. А ты в этот момент хочешь меня бросить.

Билл устремил умоляющий взгляд на жену. В его глазах блеснули слезы. Он протянул ей руку.

– Малышка, я люблю тебя... Пожалуйста, не делай этого...

Но Лесли не повернулась, не подняла глаз и потому не видела боли в его взгляде. Она знала, как сильно Билл любит ее и сыновей. Но теперь это уже не имело значения – ради себя она должна поступить именно так.

– Ты хочешь остаться здесь? Хорошо, пусть будет по-твоему. Я скажу на телестудии, что возражаю против переезда. Если в этом все дело, черт с ней, с Калифорнией... останемся здесь.

Но в его голосе зазвучали панические нотки, потому что, наблюдая за Лесли, Билл чувствовал, что Калифорния не главный повод.

– Это не играет никакой роли. – Ее голос был низким и мягким, в нем звучало сожаление. – Для нас обоих уже слишком поздно, Билл. Я не могу этого как следует объяснить. Я просто знаю, что должна делать что-то другое.

– Что, например? Перебраться в Индию? Изменить религию? Уйти в монастырь? Придумать что-то принципиально новое в преподавании танца в Джулиардской школе? Что ты имеешь в виду, черт подери? Ты хочешь от меня уйти? Тогда Джулиард и Калифорния тут ни при чем.

Билл был обижен, растерян и, наконец, не на шутку рассержен. Почему она так с ним поступает? Чем он это заслужил? Он тяжело работал, добился успеха, его родители гордились бы им, если были бы живы, но оба умерли от рака, когда ему было двадцать с небольшим лет. Ни братьев, ни сестер у него не было, жена и сыновья – единственные родственники.

Теперь же, если они расстанутся, Биллу предстояло снова остаться одному, совершенно одному, без троих любимых людей, а все потому, что он что-то сделал не так – слишком много работал, стараясь обеспечить свою семью. Несправедливость ее слов внезапно наполнила его яростью.

– Ты просто меня не понимаешь, – мягко настаивала Лесли.

– Нет, не понимаю. Ты говоришь, что не хочешь переезжать в Калифорнию. Я говорю, что, раз все дело в этом, мы останемся здесь и пошлем к черту телекомпанию. Им придется с этим смириться. Ну и что дальше? Возвращаемся в исходную точку или как? Что между нами происходит, Лес?

Билла попеременно охватывали то гнев, то отчаяние, он не знал, что ей сказать, чтобы переубедить. Но он еще не понимал, что Лесли уже все для себя решила и не было никакой возможности отговорить ее.

– Я не знаю, как тебе это сказать...

Она взглянула на него глазами, полными слез, и на мгновение Биллу показалось, что он попал в одну из серий своего собственного фильма и не может выбраться... Бросит ли Лесли Билла?.. Может ли Билл стать другим?.. Понимает ли Лесли, как Билл ее любит?..

Ему вдруг захотелось рассмеяться или расплакаться, но ни того ни другого он не сделал.

– Все кончено. Наверное, так прямо и надо сказать. Калифорния тут ни при чем. Я просто до сих пор не хотела себе в этом признаться, а теперь... Я больше так не могу. Я хочу жить своей жизнью, с ребятами, и заниматься своим делом, а не жить день и ночь с твоим сериалом...

«И с тобой, Билл, тоже», – подумала Лесли, но не решилась сказать это вслух. В его глазах была такая беспредельная боль, что она боялась не вынести ее и пойти на попятный.

– Прости, пожалуйста...

Билл стоял мертвенно-бледный, словно пораженный молнией.

– Ты забираешь мальчиков?

Как она может? Ведь он, несмотря на занятость, так их обожает, и это ей известно.

– Ты не сможешь сам о них заботиться в Калифорнии, – просто констатировала Лесли, в то время как он в ужасе смотрел на нее.

– Нет, но ты могла бы поехать со мной, чтобы помочь, – попытался пошутить Билл, однако обоим было не до шуток.

– Билл, не надо...

– А ты разрешишь им навещать меня?

Она кивнула, а он в душе молился, чтобы Лесли сдержала слово. Билл подумал, не бросить ли сериал, остаться в Нью-Йорке и упросить ее сохранить брак, но чувствовал, что время для подобных действий упущено. В своем сердце, душе и сознании Лесли уже покинула его.

Оставалось лишь корить себя, что вовремя не заметил опасность. Может быть, тогда еще удалось бы что-то изменить. Но теперь, насколько он знал жену, это было невозможно. Все было кончено, хоть умоляй, хоть плачь. Он давно проиграл битву и даже не знал об этом. Этот этап его жизни закончился.

На протяжении двух следующих месяцев продолжалась агония, о которой Билл не мог вспоминать без слез. Трудное прощание с сыновьями. Переезд семьи на другую квартиру в Вест-Сайде. Первая ночь в одиночестве. У него снова и снова возникало желание отказаться от сериала и уговорить Лесли вернуться, но было ясно, что дверь заперта и никогда больше не откроется.

К тому же накануне своего отъезда в Калифорнию он узнал, что в Джулиардской школе работает преподаватель, который ей очень симпатичен, как она выразилась. До романа дело там еще не дошло, Билл знал Лесли слишком хорошо, чтобы сомневаться в ее верности, однако она, похоже, влюбилась, и это одна из причин ее ухода. Она хотела свободы, чтобы строить свои отношения с тем парнем, не испытывая чувства вины перед Биллом Тигпеном. Лесли уверяла, что у них с ее коллегой-преподавателем много общих интересов, а с Биллом, кроме детей, ничего общего больше нет.

Адам болезненно воспринял расставание с отцом, но, поскольку ему было всего два с половиной года, он, безусловно, должен был быстро привыкнуть к новой жизни. Восьмимесячный же Томми вообще пока ничего не понимал.

Билл тяжело переживал расставание: слезы выступили у него на глазах и медленно потекли по щекам, когда самолет взмыл над Нью-Йорком и взял курс на Калифорнию.

Прибыв в Лос-Анджелес, он с головой ушел в работу над сериалом, работал днем и ночью, иногда даже спал на диване в своем офисе. Между тем рейтинг его детища продолжал расти, призы сыпались один за другим.

За семь лет, проведенных в Калифорнии, одержимость Билла Тигпена уменьшилась ненамного. «Ради жизни стоит жить» стал его гордостью и радостью, его товарищем и другом. У Билла больше не было причин сопротивляться. Он позволил, чтобы работа стала его повседневной страстью.

Сыновья периодически прилетали к нему на праздничные каникулы и на один месяц летом. Билл их беззаветно любил, каждый день вспоминал и очень скучал. Женщин в его жизни было много, но они появлялись и исчезали, не оставляя следа. Постоянными спутниками Билла оставались сериал и занятые в нем актеры.

Лесли давно вышла замуж за преподавателя Джулиардской школы и имела от него еще двоих детей, сама же наконец распрощалась с преподавательской карьерой. У нее хватало забот с четырьмя детьми, но, похоже, ей это нравилось.

Время от времени они с Биллом перезванивались, особенно когда у него гостили мальчики или кто-то из них заболел, но сказать им друг другу теперь было нечего и разговоры сводились к Адаму и Томми. Трудно было даже вспомнить их совместную супружескую жизнь. Боль от потери Лесли притупилась, и те хорошие годы подернулись забвением.

Все ушло, остались лишь сыновья. Они были главным предметом его любви, которая с особой силой проявлялась, когда они приезжали летом. Тогда Билл брал отпуск, одну половину которого они проводили в путешествиях, а другую – в Лос-Анджелесе: посещали Диснейленд, ходили в гости или просто отдыхали дома, где Билл готовил, заботился о ребятах.

Потом, после их отлета обратно в Нью-Йорк, он ужасно тосковал. Адам, которому скоро исполнилось десять, был ответственным, серьезным, милым, во многом похожим на мать.

Томми в свои семь лет был еще ребенком – неорганизованным, капризным, рассеянным, но порой очень-очень симпатичным. Лесли часто говорила Биллу, что Томми во всем точная его копия, но сам Билл этого как-то не замечал. Он обожал их обоих и в долгие одинокие ночи в Лос-Анджелесе до боли в сердце сожалел, что их семья распалась.

Это была единственная в жизни вещь, которая по-настоящему удручала его. Билл ничего не мог изменить, но разлука с любимыми детьми казалась ему слишком высокой ценой за неудачный брак. Почему дети остались с Лесли, а не с ним? Почему лишь он понес наказание за потерянные годы? Разве это было справедливо? Нет. И Билла это убеждало только в одном – он больше никогда не позволит такому случиться, он не собирается больше безоглядно влюбляться, жениться, иметь детей и терять их. Конец. Точка. С годами он нашел великолепный выход из положения – актрисы, актрисы... когда у него было на них время, что случалось нечасто.

Впервые прибыв в Калифорнию, еще переживая свежую боль от расставания с Лесли и малышами, Билл волею обстоятельств попал в объятия одной серьезной дамы-режиссера и имел с ней роман, который чуть не обернулся катастрофой. Она поселилась у него и завладела его жизнью: приглашала гостей, обставляла его квартиру, опекала Билла, пока тот не почувствовал, что задыхается. Прежде она училась в Калифорнийском университете, окончила аспирантуру в Йельском, постоянно твердила о степени доктора философии, снимала «серьезный» фильм и утверждала, что сериал – это недостойно Билла. Она с безразличностью говорила об этом как о заразной болезни, от которой он быстро излечится, если только согласится на ее помощь.

Дама-режиссер, кроме всего прочего, терпеть не могла детей и всегда убирала подальше попадавшие ей на глаза фотографии его сынишек. Удивительно, но лишь спустя шесть месяцев он опомнился и расстался с ней. Все так затянулось, потому что она была великолепна в постели, обращалась с ним как с маленьким мальчиком именно тогда, когда он отчаянно нуждался в заботе, а также, казалось, знала все о телеиндустрии в Лос-Анджелесе.

Но когда она потребовала от Билла не упоминать в разговоре своих детей и вообще забыть о них, тот снял на месяц бунгало в отеле «Бeverly-Hillz», вручил ей ключи, пожелал приятного времяпрепровождения и попросил не беспокоить его звонками, когда она найдет себе квартиру. В тот же день Билл перевез в бунгало ее вещи и в течение следующих четырех лет не встречал эту даму, пока случай не свел их на церемонии вручения призов, но она сделала вид, что незнакома с ним.

Все последующие романы сознательно были лишены сердечных переживаний: актрисы, «звездочки», статистки, фотомодели – девушки, готовые лишь поразвлечься, сходить с Биллом на прием или вечеринку, когда он был свободен, и не требовавшие от него ничего больше, даже телефонных звонков, потому что в их жизни таких мужчин было много. Некоторые подруги иногда готовили ему ужин или он готовил им, поскольку обожал это делать. Тех же, кто хорошо ладил с детьми, Билл приглашал с собой в Диснейленд, когда приезжали сыновья. Однако чаще всего он предпочитал опекать ребят сам во время их визитов в Калифорнию.

В последнее время Билл завел роман с актрисой из своего сериала. Сильвия была симпатичной девушкой из Нью-Йорка и исполняла одну из главных ролей. Билл впервые позволил себе роман с кем-то из тех, кто с ним работал.

Устоять против такой красоты, как Сильвия, было трудно. Она пришла в его сериал с определенным багажом – за ее плечами было несколько детских ролей, потом Сильвия была фотомodelью – снималась для обложки журнала «Vog», год работала у Лакруа и шесть месяцев в Лос-Анджелесе, в маленьких ролях второстепенных фильмов. Сильвия, как ни странно, оказалась приличной актрисой и просто милой девушкой.

Биллу она очень нравилась. Нравилась, но не более. Любовь была зарезервирована для детей. Правда, двадцатитрехлетняя Сильвия порой тоже казалась ему ребенком. Его трогали и

забавляли ее непосредственность и наивность. Девятилетний опыт работы актрисы и модели, похоже, не испортил Сильвию. Она знать не знала неизбежных интриг, происходивших за кулисами, и, хотя играла временами превосходно, в то же время становилась легкой жертвой для более искушенных коллег-актрис. Билл постоянно предупреждал Сильвию о кознях, которые те исподтишка строили против нее. Но это милое создание преодолеvalo все мели и пороги и находило чем себя занять, когда Билл оказывался слишком занят, чтобы развлекать ее.

Так было на протяжении тех недель, когда он решил убрать один персонаж и ввел два новых. Билл всегда заботился о стремительном действии фильма и поддержании у зрителя интереса к бесконечным поворотам сюжета.

В свои тридцать девять лет Билл стал королем дневных сериалов, что подтверждала шеренга статуэток «Эмми», выстроившихся на полке его офиса, которых он, казалось, совершенно не замечал.

Сегодня Билл вернулся в свой кабинет и принялся расхаживать из угла в угол, пытаясь представить себе, как актеры отреагируют на неожиданные сюжетные изменения, переданные им в последнюю минуту. Две актрисы, исполняющие главные роли, обычно справлялись с такими ситуациями хорошо, а вот их партнер начинал сбиваться и нервничал. Он выступал в сериале второй год, Билл частенько подумывал заменить его, но не решался – ему нравилось, что тот вносит гуманистическое начало и играет очень убедительно, когда верит в произносимый текст.

Сериал, по-видимому, приобрел популярность у миллионов телезрителей в Соединенных Штатах – и Билл, и актеры, и продюсеры получали горы писем от его почитателей. Съёмочная группа за годы совместной работы сделалась чем-то вроде семьи, он имел для всех ее членов большое значение. Детище Билла стало домом и образом жизни для многих очень талантливых людей.

В тот день Сильвии предстояло играть свою героиню, Воун Вильямс, – красивую младшую сестру главного персонажа, Хелен. Воун стала любовницей своего зятя Джона, он же приобщил ее к наркотикам. Никто в семье об этом не знал, тем более ее собственная сестра. Не в силах самостоятельно высвободиться из опутавшей ее паутины, Воун попадала под все большую зависимость от Джона, ведущую к катастрофе.

В соответствии с неожиданным поворотом событий, намеченным в сериале на день, о котором идет речь, Воун предстояло стать свидетельницей убийства, совершенного Джоном. Полиция должна была разыскивать девушку за убийство торговца наркотиками, снабжавшего ее зельем. Это была сложная для «оркестровки» серия, и Билл тщательно контролировал авторов диалогов, готовый, если надо, тоже включиться в работу. Однако именно такого рода повороты сюжета позволяли сериалу жить уже на протяжении почти десяти лет.

Билл, довольный проделанной утром работой, опустился в своем кабинете в кресло, закурил и отпил горячего кофе, который как раз принесла секретарша. Он думал, как отнесется Сильвия к изменениям сценария, который ей только что передали.

Минувшей ночью он уехал от нее в три часа и решил отправиться на работу, чтобы реализовать идею, не дававшую покоя весь вечер. Когда Билл уезжал, Сильвия спала. По пути он заехал домой, принял душ, переоделся и прибыл в офис в половине четвертого утра.

В двенадцать тридцать Билл все еще чувствовал напряжение. Он вскочил, погасил сигарету и поспешил в студию, где застал режиссера, внимательно изучающего последние изменения в сценарии.

Режиссером был его давний знакомый – голливудский ветеран, пришедший в сериал после постановки множества телевизионных фильмов, имевших большой зрительский успех. Обычно «мыльные оперы» на телевидении не снимали такие маститые режиссеры, но Билл знал что делает, когда брал его: Аллан Маклафлин был требователен к себе и другим.

Видя, что он серьезно беседует с Сильвией и актером, игравшим роль Джона, Билл тактично остался стоять в углу, откуда, не мешая, имел возможность за всем наблюдать.

– Билл, принести кофе? – спросила миловидная молоденькая ассистентка, на протяжении года проявлявшая к Биллу явный интерес.

Он ей нравился. Многие обнаружили бы в нем сходство с этаким плюшевым мишкой: высокий, сильный, душевный, умный, привлекательный, хотя и не красавец, улыбчивый и обходительный, несмотря на огромные нагрузки и полную отдачу любимому делу.

– Нет, спасибо, не надо, – улыбнулся Билл и покачал головой.

«Симпатичная девчушка... но только как ассистентка», – подумал он и тут же выбросил ее из головы. На съемочной площадке он мог только работать: сосредоточиться на том, что происходит перед камерами, или на мыслях о будущих поворотах сюжета.

Билл вновь переключил свое внимание на режиссера. Он заметил, что Сильвия учит текст, а исполнители ролей Хелен и Джона тихо беседуют. Двое актеров были одеты в полицейскую форму, а на «жертве» – торговце наркотиками, которого предстояло «убить», уже была окровавленная рубашка, выглядевшая очень натуралистично. Актер смеялся и обменивался шуточками с одним из осветителей. Это был его последний день съемок в сериале, ему не надо было учить роль: по замыслу он появлялся перед камерой уже мертвым.

– До съемки осталось две минуты, – произнес ассистент режиссера достаточно громко, чтобы все на съемочной площадке слышали, и у Билла слегка засосало под ложечкой.

Так случалось всегда. Это чувство было ему знакомо с тех пор, когда он, молодой актер, еще учился в колледже. И в Нью-Йорке Биллу всегда становилось не по себе за час до поднятия занавеса перед началом его пьесы.

Теперь, спустя десять лет после рождения сериала, его все так же перед эфиром мучило волнение: что, если все сорвется?.. Если упадет рейтинг?.. Если никто не будет смотреть?.. Если уйдут все актеры?.. Если они забудут свои роли?.. Если... Поводов для страхов было множество.

– Одна минута!

Под ложечкой засосало сильнее. Билл оглядел помещение. Сильвия, прикрыв глаза, в последний раз повторяет слова и пытается сосредоточиться, Хелен и Джон заняли свои места и готовы к грандиозному скандалу, с которого начинается серия. Торговец наркотиками в окровавленной рубашке за кадром уплетает большущий сандвич «пастроми»...

В полной тишине ассистент режиссера поднял руку с растопыренными пальцами, показывая количество секунд, оставшихся до включения камеры. Четыре... три... две... одна... Спазм под ложечкой. Рука опускается...

Хелен и Джон отчаянно ругаются, выражения используют грубые, но в пределах цензуры, ситуация на грани взрыва. Джон хорошо знает текст, и все же временами они, как всегда по ходу сцены, импровизируют. Чаще всего Хелен, но у нее это хорошо получается, и Билл не возражает, поскольку она не сильно отдаляется от текста и не подводит других актеров...

Проходит четыре минуты драматического спектакля, хлопает дверь, и наступает рекламная пауза. Хелен сходит с площадки бледная как полотно. Их работа хоть и коротка, но интенсивна, диалоги и ситуации настолько реальны, что актеры играют с удивительной достоверностью. Билл поймал ее взгляд и улыбнулся. Она, как всегда, хорошо поработала, прекрасная актриса.

Снова поднимается вверх рука ассистента, призывая всех к готовности. Полная тишина. Ни звука, ни шороха, даже ключи ни у кого не звякнут в кармане.

Джон отправляется в загородный дом к торговцу наркотиками, который анонимно позвонил Хелен и сообщил ей о романе мужа с ее сестрой. Раздаются выстрелы – мужчина в окровавленной рубашке распростерт на полу и, безусловно, мертв. Крупным планом лицо Джона, безжалостные глаза убийцы вызывают дрожь. Рядом стоит Воун.

Следующий кадр: Воун, необыкновенно красивая, в маленькой, но шикарно обставленной квартирке, которую снял для нее Джон. Девушка прощается с выходящим от нее мужчиной. Без слов понятно, что она занимается проституцией. Крупным планом глаза Воун – тревожные, прекрасные и несколько остекленевшие.

Билл внимательно следит за тем, как разворачиваются события, потом снова наступает рекламная пауза, и он расслабляется. Каждый день у него перед глазами разыгрывается новая пьеса, новая драма, раскрывается новый мир. Эта магия не перестает его интриговать.

Иногда он задает себе вопрос, почему работает, почему сериал пользуется таким успехом? Может быть, потому, что он сам им так увлечен?

Изредка Билл гадал, что бы случилось, если бы он продал концепцию сериала или бросил его... Остался бы в Нью-Йорке, занялся чем-нибудь другим, по-прежнему был бы женат на Лесли, жил с ней и сыновьями... Появились бы у них еще дети? Писал бы он пьесы для Бродвея? А может, они с Лесли все равно бы развелись? Трудно загадывать...

Убедившись, что все идет хорошо и ему необязательно дожидаться конца съемки, Билл вышел из студии и медленно направился к себе в кабинет. Он был утомлен, но ощущал удовлетворение и уверенность, что ближайшие серии также должны пройти на хорошем уровне.

Билл любил сериал и за то, что тот не позволял ему расслабляться и благодушеествовать. Здесь нельзя было двигаться по накатанной колее, использовать готовые рецепты или повторяться. Нужно постоянно фонтанировать свежими идеями, вдыхать новую жизнь в свое детище, иначе оно бы просто умерло. Биллу нравился этот напряженный ритм, каждодневное испытание своих сил.

Сегодня все удалось, он вернулся к себе в офис, уселся на диван и стал глядеть в окно.

– Как там дела? – спросила Бетси, бывшая его секретаршей уже почти два года, что на телевидении считалось чуть ли не вечностью.

– Все о'кей. – Билл выглядел довольным. Под ложечкой больше не сосало, наступило приятное состояние удовлетворенности. – От руководства телекомпании известий не было?

Он направил им некоторые новые идеи относительно дальнейшего развития сериала и ждал ответа, хотя знал, что руководство, конечно же, разрешит ему действовать по своему усмотрению.

– Еще нет. По-моему, Леланд Харрис и Натан Стейнберг куда-то уехали.

Это были боги, от которых зависела его жизнь, – всеведущие, всеильные, всевидящие. С Натаном Билл время от времени ездил на рыбалку, и хотя бытовало мнение, что он прохвост, в общем-то, любил его и не мог пожаловаться на плохое к себе отношение.

– Вы сегодня уйдете пораньше? – с надеждой взглянула на него Бетси.

Иногда, когда приходил в офис на рассвете, Билл уходил около пяти, но это случалось редко, и теперь он только покачал головой и направился в противоположный угол кабинета, к письменному столу, рядом с которым на отдельном столике помещалась его старая пишущая машинка фирмы «Роял» – одна из немногих вещей, оставшихся от отца.

– Я, наверное, еще останусь. – Написанное сегодня утром сработало, а это значит – им придется вносить много изменений в следующие серии. – Роль Барнеса придется полностью вычеркнуть. Мы его просто убили. Воун теперь грозит тюрьма, не говоря о том, что у Хелен наконец-то открываются глаза на Джона. Еще немного, и она узнает, что ее младшая сестра благодаря ее дорогому муженьку пристрастилась к наркотикам и стала лгуньей.

Билл удовлетворенно улыбался, вытянув ноги под письменным столом, откинувшись на спинку кресла и заложив руки за голову. Он был доволен и расслаблен.

– Вы просто помешаны на своем сериале. – Бетси надулась и вышла из кабинета, но тут же опять просунула в дверь голову: – Заказать вам что-нибудь из столовой на вечер?

– Господи... теперь я знаю, что ты хочешь отравить меня. Оставь на своем столе пару сэндвичей и термос с кофе. Я возьму, когда проголодаюсь.

Но чаще всего Билл вспоминал о времени лишь к полуночи и тогда уже не хотел есть. Бетси часто удивлялась, как он не умирает с голоду, когда утром обнаруживала в кабинете полные окурков пепельницы, дюжину чашек с недопитым кофе и с полдюжины разбросанных оберток от сникерсов.

– Вы бы поехали домой и поспали.

– Спасибо, мамуля, – ухмыльнулся Билл, а Бетси снова закрыла дверь.

Она была замечательная особа, и Билл очень ценил ее.

Он все еще улыбался, думая о Бетси, когда дверь снова открылась. Билл поднял глаза и увидел Сильвию в костюме и гриме.

У него всегда захватывало дух от ее потрясающей внешности. Рослая, стройная, с полной высокой силиконовой грудью, словно просящей, чтобы мужские руки касались и ласкали ее, невероятно длинноногая, она была почти такого же роста, что и Билл. Густые черные волосы до талии, матово-белая кожа, зеленые кошачьи глаза – на такую девушку мужчины заглядывались бы везде, даже в Лос-Анджелесе, где актрисы, фотомодели и просто красивые девушки – в порядке вещей. Но Сильвия Стюарт не была просто красоткой. Билл считал ее работу весомым вкладом в успех сериала.

– Ты хорошо поработала, малышка. Просто здорово, молодец. Впрочем, как всегда.

Сильвия молча улыбалась, а он встал, вышел из-за письменного стола и ласково поцеловал ее. Она села в кресло, положив ногу на ногу, чем заставила сердце Билла биться чаще.

– Господи, ты создаешь нерабочую обстановку, когда так одета.

На Сильвии было маленькое черное платье, в котором она играла последнюю сцену серии, – сногшибательное и сексапильное. Костюмеры одолжили его у модельера Фреда Хеймана.

– Надела бы лучше джинсы с футболкой.

Но вид Сильвии в сверхоблегающих джинсах сводил все мысли Билла к тому, как бы ее поскорее раздеть.

– Костюмеры сказали, что я могу немного его поносить.

Ей каким-то образом удавалось выглядеть невинно и в то же время чувственно.

– Это здорово.

Билл улыбнулся Сильвии и снова сел за письменный стол.

– Оно тебе очень идет. Может, мы на следующей неделе выберемся куда-нибудь поужинать, и ты сможешь его надеть.

– На следующей неделе? – переспросила она с видом ребенка, которому только что сообщили, что любимая игрушка сдана в ремонт до вторника. – А почему мы не можем пойти сегодня?

Сильвия капризно надула губы, чем позабавила Билла. В таких сценах она была неподражаема. Это была еще одна грань ее потрясающей, пленительной внешности.

– Ты, наверное, заметила, что в сегодняшней серии произошли кое-какие изменения сюжета и твоя героиня попадает в тюрьму. Авторам диалогов предстоит переписать кучу сцен, и я хочу быть на месте, чтобы кое-что написать самому или по крайней мере проследить за их работой.

Любой человек, хоть немного знавший Билла, мог догадаться, что он в ближайшие несколько недель будет работать по восемнадцать-двадцать часов в сутки: подсказывать, убеждать, самостоятельно переписывать, – но в конце концов выдаст действительно стоящий материал.

– А в эти выходные мы никуда не сможем выбраться?

Сильвия то и дело меняла положение своих бесподобных ног, чем вызвала прилив возбуждения у Билла. Джинсы моментально стали ему тесны, и он беспокойно заерзал в кресле.

– Нет, не сможем, дорогуша, – с сожалением покачал он головой. – Если мне повезет и все будет о’кей, может, в воскресенье мы немного поиграем в теннис.

Очаровательные губки надулись еще больше. Сильвия явно была не в восторге от его слов.

– Я хотела бы слетать в Лас-Вегас. Ребята из «Моего дома» всей компанией собираются туда на уикенд.

Сериал «Мой дом» был в настоящее время их главным конкурентом.

– Я ничего не могу поделать, Сильвия. Мне надо работать.

Затем, зная, что будет лучше, если она уедет, а не останется и начнет хныкать, Билл предложил ей отправиться со всеми в Вегас:

– Почему бы тебе не полететь с ними, малышка? Ты завтра в сериале не занята. В Лас-Вегасе можно здорово развлечься. А мне все равно придется торчать на студии весь уикенд.

Он жестом обвел стены своего кабинета. Хотя был только четверг, Билл знал, что по крайней мере еще три-четыре дня придется контролировать работу авторов, пишущих диалоги.

Сильвию, казалось, обрадовало, что он без возражений ее отпускает.

– А ты прилетишь в Вегас, когда закончишь?

Иногда ее бесхитрость до глубины души трогала Билла. Вообще-то тело Сильвии привлекало его больше, но он с гордостью отмечал и другие достоинства своей подруги. Она была хорошей девушкой, однако не могла равняться с Биллом по интеллекту, да и он понимал, что не всегда отвечает ее запросам. Ей нужен был кто-то, кто был свободен, мог с ней развлекаться, ходить на вернисажи, вечеринки и поздние ужины в «Спаго».

Билл же большую часть времени был привязан к сериалу, писал новые сцены или из-за усталости отказывался куда-нибудь идти, да и любителем голливудских вечеринок никогда не был.

– Не думаю, что, когда закончу работу, у меня еще останутся время и силы, чтобы куда-то срываться. Увидимся в воскресенье вечером, когда ты вернешься из Лас-Вегаса.

Билла такой расклад очень устраивал. Хотя ему и было совестно, что он сваливает ее с плеч долой, но лучше знать, что она где-то счастлива и весела, чем каждые два часа отвечать на звонки с вопросами, когда же он закончит работу и поведет ее куда-нибудь повеселиться.

– О’кей. – Сильвия, довольная, встала. – Ты нисколько не возражаешь?

Она чувствовала себя немного виноватой, что оставляет его на уикенд в одиночестве, но Билл только улыбнулся и проводил ее до двери кабинета.

– Нет, не возражаю. Только не дай ребятам из «Моего дома» перетянуть себя в свою команду.

Сильвия рассмеялась, и на этот раз Билл крепко поцеловал ее в губы.

– Я буду по тебе скучать.

– Я тоже, – ответила Сильвия, но ее взгляд был какой-то отстраненный, и у Билла мелькнула мысль, не случилось ли чего.

Он уже видел что-то подобное в глазах других женщин, начиная с Лесли, – нечто невысказанное, наводящее на мысль об одиночестве. Билл заметил это странное выражение, но не собирался ничего предпринимать. Он считал, что в тридцать девять лет уже поздно переделывать себя.

Сильвия наконец ушла, и Билл вернулся к работе. Его ждали буквально горы сценарного материала, и, когда он наконец оторвался от машинки, на улице было уже темно, часы показывали десять.

Биллу вдруг ужасно захотелось пить. Он встал из-за стола, включил в кабинете верхний свет и налил себе содовой. Заботливая Бетси наверняка оставила ему на своем столе кучу сандвичей, но Билл не чувствовал голода. Когда работа шла хорошо, она словно питала его. Билл

с удовлетворением взглянул на стопку исписанных листов и откинулся в кресле, потягивая содовую.

Он хотел внести изменения еще в одну сцену, и на протяжении следующих двух часов стучал по клавишам, совершенно отключившись от всего, кроме текста, а когда остановился, была уже полночь. Билл проработал почти двадцать часов кряду, но нисколько не устал: творчество словно бы аккумулировало его энергию.

Он убрал кипу готовых страниц в ящик стола, налил себе перед уходом еще содовой и оставил на столе сигареты, поскольку вне работы курил редко.

Билл прошел мимо стола секретарши, на котором стояла картонная коробка с сэндвичами, и вышел в залитый мертвенным люминесцентным светом холл, миновал полдюжины уже закрытых в это время помещений.

В одной из студий шла ночная программа, туда как раз направлялась группа странного вида молодых людей в одежде панков. Билл улыбнулся им, но ответных улыбок не последовало – ребята слишком нервничали. В студии «Новостей» было темно – там уже все готово к утреннему выпуску.

Охранник дал Биллу расписаться на карточке. Он нацарапал свою фамилию, обменялся с пожилым охранником впечатлениями по поводу последнего бейсбольного матча – они оба болели за «Доджеров». Выйдя на улицу, глубоко вдохнул теплый весенний воздух. В этот час смог, плотной пеленой накрывший город, не так чувствовался, и ощущалась радость просто оттого, что живешь.

Билл любил свое дело и не жалел, что в столь позднее время сидит и выдумывает истории о вымышленных людях, вкладывает в их головы свои мысли, в их уста – свои слова, в их души – свои эмоции. Сам процесс работы имел для него важный смысл, а окончание всегда доставляло радость, когда он бывал удовлетворен результатом. Порой было трудно, когда не получались сцена или персонаж, но все равно это не отбивало у Билла охоту, наоборот: появлялось желание трудиться еще больше.

Он удовлетворенно вздохнул, заводя машину – старый «шевроле»-универсал, который купил семь лет назад за пятьсот долларов и очень любил. Состояние автомобиля оставляло желать лучшего, но он имел душу, был просторным, и мальчишки обожали кататься на нем, когда приезжали к отцу.

По пути домой Билл вдруг почувствовал ужасный голод и вспомнил, что дома ничего нет. Он не ел там целую вечность – был слишком занят работой, перекусывал где-то в городе, а предыдущий уикенд провел у Сильвии, в Малибу. Она там сняла дом у пожилой киноактрисы, которая уже несколько лет жила в пансионате для престарелых.

Билл подрулил к одному из ночных супермаркетов, припарковал машину у входа рядом со стареньким красным помятым «моррисом» с откинутой крышей. Зайдя в просторное, пустующее в такой поздний час помещение, он взял тележку и стал решать, чего бы купить поесть. В одном из отделов жарились цыплята-гриль, распространяя по всему магазину аппетитный запах. Билл взял цыпленка, упаковку из шести банок пива, картофельный салат, немного салями, маринованных огурцов, а в зеленом отделе – латук, помидоры и немного других овощей для салата.

Чем больше он думал о еде, тем голоднее становился. Билл не мог вспомнить, ел ли в этот день ленч, а если ел, то что именно. Еда казалась ему чем-то давно забытым.

Еще он купил бумажные полотенца, туалетную бумагу для обоих санузлов, вспомнил, что заканчиваются крем для бритья и зубная паста. Обычно не имея времени на покупки, он теперь, среди ночи, бродил по магазину и, словно ребенок, набирал в корзинку все подряд: чистящие средства, оливковое масло, кофе в зернах, блинную муку, сардельки, соусы и специи, а также хлеб с отрубями, полуфабрикат каши, ананас и папайю.

Он не спешил, не торопился сесть за работу, никто его нигде не ждал, и можно было в свое удовольствие прочесать весь магазин. Раздумывая, не купить ли к ужину французский батон и сыр бри, Билл повернул за угол, к хлебному отделу, и неожиданно столкнулся с девушкой, которая выросла словно из-под земли с охапкой бумажных полотенец.

Билл чуть не наехал на нее своей тележкой, девушка отпрянула назад и рассыпала все покупки. Он бросился их собирать, но при этом не мог оторвать от нее взгляда – в ней было нечто очень привлекательное.

– Извините... Я... Разрешите вам помочь...

Билл оставил свою тележку и стал ей помогать, но она, слегка покраснев, улыбнулась:

– Пустяки.

У нее была притягательная улыбка и огромные голубые глаза. Открытое выражение ее лица подсказывало, что с этой молодой женщиной можно о многом поговорить. Билл смотрел на нее как замороженный, а она двинулась по проходу, толкая свою тележку, еще раз улыбнувшись ему через плечо.

Все это напоминало сцену из кинофильма или что-то из того, что он писал для сериала. Парень встречает девушку... Хочет побежать за ней... эй, подождите... остановитесь!.. Но она ушла, пропали, словно мираж, ее темные блестящие волосы до плеч, белозубая улыбка, голубые глаза, казавшиеся огромными. В ее взгляде была такая прямота, а в улыбке – загадочность, словно она хотела его о чем-то спросить, и дружеская теплота, словно она собиралась пошутить.

Желая поскорее разделаться с покупками, Билл думал только о ней. Майонез... анчоусы... крем для бритья... яйца... Яйца нужны? Сметана?... Он больше не мог сосредоточиться.

Смешная история. Она была симпатичной, но не бог весть какой красавицей. Свежестью же очень напоминала недавнюю выпускницу какого-нибудь колледжа Восточного побережья. На ней были джинсы, красная водолазка и легкая спортивная куртка. У Билла слегка затрепетало сердце, когда спустя пару минут он увидел, как она разгружала у кассы свою тележку.

Он остановился, еще раз внимательно пригляделся к незнакомке и решил, что она все-таки не так уж неподражаема. Симпатичная, очень симпатичная, бесспорно, но, на его вкус, его теперешний, калифорнийский вкус во всяком случае, она была весьма обычная. Девушка, с которой можно проговорить до поздней ночи, девушка, которая может рассказать хороший анекдот, интересную историю, сумеет приготовить десерт из всякой всячины. Что ему была за нужда в таких особах, если его постель согревали красотки вроде Сильвии?

Но, наблюдая, как она ставила на место пустую тележку, он чувствовал какое-то смутное, безотчетное влечение к ней. Биллу хотелось бы с ней познакомиться, узнать, как ее зовут. Он медленно направил к ней свою тележку.

«Здравствуйте... Меня зовут Билл Тигпен...» – репетировал он про себя, подходя к кассе, где расплачивалась за покупки интересная незнакомка, которая на этот раз, казалось, его не замечала, так как выписывала чек. Билл, как ни старался, не мог прочесть ее фамилию. Единственное, что он разглядел, – ее левую руку, в которой она держала чековую книжку: левую руку с обручальным кольцом². Кем бы она ни была, теперь это больше не имело значения. Она замужем.

Билл расстроился, как ребенок, у которого забрали понравившуюся ему игрушку, и тут же мысленно рассмеялся сам над собой, а она посмотрела на него, узнала и снова улыбнулась.

«Здравствуйте... Меня зовут Билл Тигпен... Вы замужем... как жаль, если разведетесь, позвоните мне...»

Замужние – единственная категория женщин, которая его не интересовала. Билл хотел спросить ее, почему она так поздно делает покупки, но теперь этот вопрос потерял смысл.

---

² В США носят обручальное кольцо на левой руке. – Здесь и далее примеч. пер.

– Спокойной ночи, – пожелала незнакомка мягким хриловатым голосом и взяла в руки наполненные покупками сумки.

– Спокойной ночи, – ответил Билл, провожая ее взглядом, и принялся разгружать свою тележку.

Через пару минут он услышал удаляющийся шум мотора, а когда вернулся к своей машине, маленького спортивного «морриса» на стоянке не было, из чего он сделал вывод, что симпатичная ночная покупательница уехала именно на нем.

Билл ухмыльнулся про себя и решил, что явно перетруился, раз стал влюбляться в незнакомок.

– О'кей, Тигпен, – пробормотал он, заводя машину, которая зарычала и изрыгнула облако выхлопных газов, – успокойся, парень.

Выезжая со стоянки, он рассмеялся, а по дороге домой попытался себе представить, как там, в Лас-Вегасе, развлекается Сильвия.

Глава 2

Отъезжая от супермаркета, Адриана Таунсенд думала о муже, который ждал ее дома. Она не видела его целых четыре дня – Стивен уезжал в командировку в Сент-Луис.

Он был одним из ведущих сотрудников известного рекламного агентства, и Адриана знала, что в будущем, если захочет, он может стать директором лос-анджелесского отделения агентства. К тридцати четырем годам Стивен прошел долгий путь, скромно начинавшийся на Среднем Западе. Достигнутый успех много для него значил, Адриана это понимала. Стивен ненавидел все, что ассоциировалось с бедностью, напоминаяшей ему о детстве, полном лишений. Он считал, что шестнадцать лет назад его спасла стипендия университета Беркли.

Стивен специализировался по средствам массовой информации, как и Адриана, которая тремя годами позже поступила в Стэнфордский университет. Ее страстью было телевидение, Стивен же с самого начала влюбился в рекламное дело, сразу после выпуска устроился работать в агентство в Сан-Франциско, потом посещал вечерний факультет бизнеса и получил степень магистра-управленца.

Никто из окружающих не сомневался, что Стивен Таунсенд будет любой ценой стремиться к успеху. Он относился к тем целеустремленным, честолюбивым людям, кто планирует все до мельчайших деталей и добивается своего. В жизни Стивена не было случайностей, ошибок, просчетов. Он часами рассказывал Адриане о своих клиентах или новых рекламных проектах, и она порой изумлялась его решительности, энергии, отваге.

Жизненный путь Стивена не был устлан розами. Его отец, простой рабочий автомобильного завода в Детройте, имел пятерых детей – трех дочерей и двух сыновей. Старший брат Стивена погиб во Вьетнаме, а сестры тяготели к домашнему очагу и даже не задумывались об учебе в колледже. Две из них вышли замуж, не достигнув двадцати лет, и, конечно, сразу забеременели. Старшая сестра вышла замуж в двадцать один год, а к двадцати пяти уже имела четырех детей. Ее муж, как и их отец, работал на автозаводе, и когда произошла забастовка, с деньгами стало совсем туго.

Это была жизнь, которая снилась Стивену в кошмарных снах. Он не любил вспоминать ее и редко говорил с кем-либо о своем детстве. Только Адриана знала, как ненавистны ему были эти воспоминания и как ненавидел он свою родню. Стивен не был в Детройте с тех пор, как уехал учиться, и последние пять лет вообще не поддерживал отношений с родителями.

Как-то раз, когда после небольшой вечеринки был под хмельком, Стивен признался жене, что просто не может больше говорить ни с отцом, ни с матерью, потому что ненавидит их бедность, ненавидит выражение постоянной печали и отчаяния в глазах матери. Адриана пыталась ему объяснить, что мать, видно, их всех очень любила и расстраивалась оттого, что не в состоянии удовлетворить все потребности своих детей, особенно младшего – честолюбивого, целеустремленного Стивена.

– Я не думаю, что она кого-то из нас действительно любила, – с горечью заметил на это Стивен. – Если у нее и остались какие-то чувства, то только к отцу... Знаешь, она даже забеременела в тот год, когда я уехал. Ей было тогда под пятьдесят... Слава богу, дело кончилось выкидышем.

Адриана в глубине души сочувствовала матери Стивена, но давно перестала защищать свекровь, не желая вызывать недовольство мужа. Было очевидно, что у Стивена с родителями больше нет ничего общего и даже говорить о них ему неприятно. Время от времени Адриана задавалась вопросом: что бы подумали родители, увидев своего сына теперь?

Стивен был привлекателен, спортивен, хорошо образован, умен, уверен в себе, порой даже несколько нагловат. Хотя Адриане всегда нравились его энергия, честолюбие, целеустремленность, напористость, она порой все же желала, чтобы эти качества были несколько

мягче, и временами шутила, что муж похож на кактус. Он со всеми сохранял дистанцию и никому не позволял лезть к нему в душу.

Они были женаты почти три года, брак им обоим пошел на пользу. Стивен стремительно продолжал подниматься по служебной лестнице. За двенадцать лет, прошедших с окончания колледжа, он успел поработать в трех различных рекламных агентствах и приобрел в своих кругах репутацию человека умного, хваткого специалиста высокой квалификации, поступающего зачастую безжалостно. Стивен не гнушался ничем – перехватывал клиентов у друзей, переманивал у других агентств. Это иногда выходило за рамки честной игры. Но его агентство никогда не было внакладе от подобных маневров, и он сам тоже. Фирма росла день ото дня, а с ней росло и положение Стивена.

Адриана сознавала несхожесть их характеров, но уважала мужа за упорство, поскольку даже по тому немногому, что ей было известно, понимала, как трудно ему давались первые шаги.

Ее старт был совершенно другим. Адриана выросла в Коннектикуте, в обеспеченной семье, всегда посещала только частные школы и имела одну лишь старшую сестру, с которой виделась теперь редко. Впрочем, в последнее время она отдалилась и от своих родителей, хотя те каждые пару лет приезжали в Калифорнию навестить ее.

Но здесь все слишком отличалось от привычной для них размеренной жизни, кроме того, в последний приезд родители Адрианы не ладили со Стивеном. Тот действительно был с ними бестактен: открыто критиковал тестя за его светские замашки. Отец Адрианы никогда не стремился сделать большую карьеру. Он был адвокатом, рано вышел на пенсию и преподавал в ближайшем юридическом колледже.

Адриану смутило, что Стивен буквально подверг ее отца допросу, она пыталась объяснить родителям, что у мужа такие манеры и делает он это не со зла.

Однако после их возвращения домой позвонила сестра Адрианы, Конни, и высказала все, что думает, о хамском поведении Стивена. Она возмущалась тем, как Адриана могла позволить ему так поступить с их родителями.

– Как поступить? – переспросила Адриана.

– Оказать папе такое неуважение. Мама говорит, что Стивен его унизил, и папа решил больше никогда не ездить в Калифорнию.

– Конни... Бог ты мой...

Адриану огорчило, что отец так оскорбился, она сама понимала, что Стивен несколько... скажем так, переборщил с критикой, но таков был его стиль. Она напрасно старалась убедить в этом сестру, с которой они никогда не были близки.

Разница в возрасте между ними составляла пять лет; Конни всегда неодобрительно относилась к младшей сестре за то, что та якобы не оправдала ожиданий семьи. Это, помимо прочего, побудило Адриану после окончания колледжа уехать и поселиться в Калифорнии, где она хотела заниматься телефильмами.

Адриана отправилась в Лос-Анджелес, поступила на кинокурсы при Калифорнийском университете и успешно их окончила. Несколько раз ей удавалось получить очень интересную работу, потом появился Стивен, он представлял ее карьере несколько иначе, считал, что телефильмы – слишком богемное дело, и настаивал, чтобы Адриана занялась чем-то более весомым, конкретным.

Они жили вместе уже два года, когда Адриана получила предложение работать в теле-новостях. Там, конечно, платили больше, но эта работа сильно отличалась от того, о чем она мечтала. Адриана терзалась, соглашаться или нет: чувствовала, что ее душа не лежит к этой деятельности, – но в конце концов Стивен уговорил ее и оказался прав. За прошедшие три года она полюбила свое новое дело.

Через шесть месяцев после начала работы в «Новостях» они со Стивеном отправились на уикенд в Рено и поженились. Стивен терпеть не мог шумные свадьбы и семейные торжества, и Адриана согласилась с ним, чтобы его не огорчать, но тем самым расстроила собственных родителей, которые хотели устроить дома красивую свадьбу своей младшей дочери. Вместо этого, когда молодые прилетели на восток, родителям пришлось довольствоваться сообщением, что бракосочетание уже состоялось.

Мать Адрианы плакала, отец ворчал, Стивен был раздражен их реакцией, считая, что это не их дело. Адриана же по обыкновению поругалась с сестрой. Конни тогда была беременна третьим ребенком, плохо переносила свое состояние и не трудилась подбирать выражения. Она снова заставила Адриану чувствовать себя виноватой, совершившей что-то ужасное, как это уже не раз бывало прежде.

– Ну пойми, мы не хотели шумной свадьбы. Разве это преступление? – пыталась урезонить разбушевавшуюся сестру Адриана. – Грандиозные церемонии раздражают Стивена. Зачем придавать этому такое значение? Мне двадцать девять лет, и я имею право устроить собственную свадьбу именно так, как мне хочется.

– Почему тебе обязательно нужно обижать маму и папу? Неужели хоть раз в жизни ты не можешь сделать над собой усилие? Ты живешь за три тысячи миль отсюда и делаешь то, что тебе заблагорассудится. Как ты можешь быть такой эгоисткой? Ты не появляешься здесь, чтобы им помочь или что-то для них сделать...

Слова Конни звучали как обвинение; Адриана смотрела на нее и с горечью думала: как жаль, что ухудшаются их взаимоотношения, и будет ли этому конец. Разлад с сестрой ее сильно угнетал.

– Маме шестьдесят два, а отцу шестьдесят пять. У них нет проблем со здоровьем, и они не бедствуют. В какой помощи они, по-твоему, нуждаются? – спросила Адриана.

Конни сердито ответила:

– В самой разной. Чарли, например, после каждого снегопада приезжает и откапывает папину машину. Ты когда-нибудь об этом думала?

В глазах Конни стояли слезы, а Адриане ужасно захотелось дать ей пощечину.

– Может, им стоит переехать во Флориду, чтобы и тебе, и мне было легче? – тихо произнесла она. – Там не бывает снегопадов.

Конни в ответ расплакалась:

– Это все, что ты можешь сказать, да? А сама сбежала, спряталась на другом конце страны.

– Конни, я ни от кого не прячусь. У меня там своя жизнь.

– Какая такая жизнь? – презрительно фыркнула Конни. – Чем ты там занимаешься? Работашь девочкой на побегушках в съемочных группах? Это ерунда, и ты это прекрасно понимаешь. Повзрослей же наконец, Адриана. Стань такой же, как мы все: будь женой, матерью. Если хочешь работать, то делай хоть что-нибудь стоящее. Будь нормальным человеком.

– Вроде кого? Вроде тебя? – не выдержала Адриана. – Ты считаешь себя нормальной, потому что до того, как завела детей, работала медсестрой, а я не в порядке, потому что занимаюсь чем-то непонятным тебе? Что ж, возможно, тебе больше понравится моя работа в программе «Новостей». Должность называется «ассистент режиссера». Это понятнее?

Адриане были ненавистны злоба, горечь, ревность, которые за годы накопились в их отношениях. Сестры никогда не были близки, но прежде по крайней мере дружили или создавали такую видимость. Теперь этот внешний налет сошел, и у Конни осталась лишь злость на Адриану за то, что та уехала, свободна и делает в Калифорнии что хочет.

Адриана не собиралась говорить родным, что они со Стивеном решили не иметь детей. Для него это было очень важно после ужасных впечатлений собственного детства. Адриана с ним не соглашалась, но знала, что Стивен относит нищету своих родителей на счет их много-

детности. Задолго до женитьбы он заявил, что дети не его стихия, и хотел заручиться ее согласием.

Он намеревался сделать стерилизацию, но оба опасались, что это чревато осложнениями для здоровья. Потом Стивен настаивал, чтобы стерилизацию сделала она, Адриане же метод казался слишком радикальным. Наконец они выбрали альтернативные способы предупреждения беременности.

Адриане порой грустно было думать, что она никогда не будет иметь своих детей, но ради Стивена она была готова на такую жертву, зная, как ему это было важно. Он хотел, чтобы ничто не мешало продвижению его карьеры, а детей считал обузой. По его мнению, Адриана тоже должна была иметь полную свободу и посвятить себя карьере. Стивен всемерно поощрял ее к работе, которую она действительно за три года полюбила, хотя иногда и жалела, что рассталась с игровым кино. Частенько Адриана заводила речь о том, чтобы уйти из «Новостей» и заняться постановкой сериалов.

– Сериал – вещь ненадежная, – всегда говорил Стивен. – Его могут прекратить показывать из-за низкого зрительского рейтинга, и что тогда? Окажешься безработной. Держись за «Новости», дорогая моя, их никогда не отменят.

Стивен панически боялся потери работы, возможностей, шансов подняться на вершину успеха. Он всегда ориентировался на свои цели, а цели неизменно намечал максимальные. Однако оба не сомневались, что он их достигнет.

Последующие два с половиной года выдались для супругов очень насыщенными. Они много работали, приобрели новых друзей, купили очень милую квартиру в комплексной застройке – как раз подходящую им по размеру: с двумя спальнями наверху, одну из которых они использовали как кабинет, с гостиной, столовой и большой кухней. Адриане нравилось в уикенды возиться в маленьком садике.

Новый жилой комплекс имел общий бассейн, теннисный корт и гараж, где стоял ее «моррис» и его новенький черный «порше». Стивен все уговаривал жену продать ее старенькую машину, но Адриана ни за что не соглашалась. Свой спортивный «моррис» она купила подержанным, когда поступила в Стэнфорд, тринадцать лет назад, и до сих пор любила его. Адриана испытывала привязанность к старым вещам, Стивен же всегда разыскивал все самое новое.

И все-таки вместе они составляли хорошую пару. Стивен придавал жене дополнительную энергию и целеустремленность, а она немного смягчала его острые углы; впрочем, недостаточно, как считали многие.

Конни и ее муж Чарлз по-прежнему с неприязнью относились к Стивену, да и родители так его и не полюбили. Это повлияло на отношения Адрианы с ними, и теперь ей больно было сознавать, как далека она от своей родни. Как бы она их ни любила, все же на первое место ставила преданность мужу. Стивен был мужчиной, с которым она делила постель, которому помогала устраивать жизнь, чье будущее строила вместе с ним.

Родители так или иначе были ее прошлым, а он – ее настоящим и будущим, они это понимали и больше не спрашивали Адриану, когда они со Стивеном собираются нанести визит на восток, и даже в последнее время перестали донимать ее насчет детей. Адриана наконец сказала Конни, что детей они иметь не хотят, и была уверена, что сестра передала это родителям. Те считали отношения Стивена и Адрианы противоестественными, в их глазах младшая дочь и зять были эгоцентричными молодыми гедонистами, которым бесполезно пытаться внушить другую точку зрения. Проще было общаться как можно реже, и родители Адрианы по собственной инициативе перестали приезжать к ним.

Однако в ту ночь, пока ехала по шоссе Санта-Моника, а потом по Ферфакс-авеню, Адриана не думала о своих родителях. Все ее мысли были о Стивене. Она знала, каким он будет усталым, поэтому купила бутылку белого вина, немного сыру и полуфабрикат омлета.

В гараже уже стоял его «порше». Адриана с улыбкой поставила рядом свою машину, жалея только, что не смогла встретить Стивена в аэропорту. Ей пришлось работать в вечернюю смену, что, впрочем, случалось довольно часто – она была главным помощником режиссера, потому оставалась за него. Работа была интересной, но очень утомительной и ответственной.

Ключ легко повернулся в замке, в квартире повсюду горел свет, однако в первый момент Адриана не увидела мужа.

– Эй!.. Есть кто дома?

Стереосистема была включена, и звуки классической музыки заглушали голос Стивена, поэтому Адриана не сразу заметила его – он говорил по телефону.

Его красивая, черная как смоль шевелюра была в легком беспорядке, он склонился над блокнотом, что-то записывая, видно, беседовал со своим шефом. Он даже не заметил, как Адриана подошла, пока та не она обняла его и не поцеловала. Стивен с улыбкой взглянул на жену и ласково поцеловал в губы, продолжая при этом слушать, что говорит босс, затем мягко отстранил ее и ответил в трубку:

– Да, конечно... я именно это ему сказал. Они предупредили, что приедут к нам на следующей неделе, но я думаю, что если мы проявим активность, то вынудим их прибыть раньше. Конечно... конечно... я тоже так считаю... хорошо... До встречи завтра утром.

И вдруг она оказалась у него в объятиях, крепких объятиях, и в мире снова все стало на свои места. Адриана всегда была счастлива быть с ним и ни о чем другом не мечтала. Она целовала мужа и думала только о том, как по нему соскучилась.

Стивен запечатлел у нее на губах долгий и крепкий поцелуй, и, когда отпустил, Адриана, с трудом переводя дыхание, произнесла:

– О господи... как хорошо, что вы снова дома, мистер Таунсенд.

– Я тоже рад тебя видеть.

Он игриво улыбнулся, крепко обхватил за ягодицы и прижал к себе.

– Где ты была?

– На работе. Я думала, что сегодня не останусь на одиннадцатичасовой выпуск, но некому было меня подменить. По пути я заехала в магазин и купила поесть. Ты голоден?

– Да, – многозначительно улыбнулся Стивен, имея в виду совсем не содержимое сумок. – По правде сказать, очень.

Он потянулся к выключателю и погасил свет. Адриана рассмеялась:

– Я не об этом. Я купила вино и...

Стивен снова принялся целовать ее в губы:

– Потом, Адриана... потом...

И повел ее наверх.

Чемодан был забыт в прихожей, сумки с продуктами – на полу в кухне. Стивен голодными глазами смотрел, как жена раздевается, потом сделал громче музыку, звучавшую из стереосистемы, и увлек Адриану на кровать.

Глава 3

На следующий день оба уезжали на работу в одно время. Так бывало каждое утро – распорядок не менялся: Стивен отправлялся на утреннюю пробежку, потом возвращался и крутил педали велоэргометра, одновременно брился и слушал «Новости», а Адриана готовила легкий завтрак, предварительно приняв душ и одевшись. Затем она прибирала на кухне и застилала постель, а Стивен тем временем принимал душ и одевался. По выходным он помогал жене по хозяйству, но в будни слишком спешил и не мог этого делать.

Адриана всегда смотрела утренний выпуск «Новостей» и – сколько успевала перед уходом – сериал «Сегодня».

Интересные события они обсуждали, но, как правило, они со Стивеном говорили утром мало. Правда, на этот раз дело обстояло иначе. За ночь они дважды занимались любовью, Адриана чувствовала прилив благодарности и нежности и, подавая мужу чашку кофе, поцеловала его. Стивен еще не остыл после пробежки, но даже с влажными волосами, в прилипшей к телу пропотевшей футболке был красив, как киногерой.

Это обстоятельство тоже выделяло его из семьи в Детройте. Он был слишком сообразительным, слишком честолюбивым, слишком привлекательным внешне, чтобы не бороться за лучшую жизнь. Адриана тоже была по-своему привлекательна, но сама никогда не придавала этому значения. С ее занятостью заботиться о собственной внешности было некогда, да она и не испытывала большого желания. Исключение составляли случаи, когда они со Стивеном куда-нибудь выбирались.

Своей естественной, здоровой внешностью Адриана выгодно выделялась в окружавшей их пропитанной искусственностью среде, однако не сознавала своих достоинств, да и Стивен ей редко о них напоминал. Он всегда был озабочен другими вещами – собственной жизнью и карьерой. Времени на то, чтобы провести его с женой, у него почти не оставалось.

– Сегодня будет что-нибудь важное? – спросил Стивен за завтраком, взглянув поверх газеты на Адриану.

Она подогрела пирожки с черникой, купленные накануне вечером, и приготовила салат из свежих фруктов, залив их йогуртом.

– Узнаю, когда приеду на работу. Утренние «Новости» никаких драматических событий не предвещали, но кто знает? Пока мы тут сидим и завтракаем, могут застрелить президента.

– Угм...

Почти не слушая болтовню жены, Стивен просматривал страницы биржевых сводок и деловых новостей.

– Ты сегодня работаешь допоздна?

– Возможно. Это будет известно только во второй половине дня. Несколько человек взяли отпуска, и все оставшиеся загружены по горло, – вздохнула она. – Может, мне придется работать даже в выходные.

– Надеюсь, что нет. Ты помнишь о завтрашней вечеринке у Джеймсов?

Адриана перехватила взгляд мужа и улыбнулась. Стивен никак не мог поверить, что она что-то может помнить, хоть и была ассистентом режиссера программы «Новостей» крупнейшей телекомпании.

– Конечно, помню. Она так для тебя важна?

Стивен кивнул. Юмор был неуместен, когда речь шла о его карьере, но Адриана к этому привыкла.

– Там будут все, кто что-нибудь значит в рекламном деле, – серьезно сказал он. – Я просто хотел убедиться, что ты помнишь.

Он посмотрел на часы и встал.

– Сегодня в шесть я играю в сквош. Если ты будешь работать допоздна, я не стану приезжать домой к ужину. Оставь мне сообщение в офисе.

– Есть, сэр! – шутливо отсалютовала Адриана. – Что мне еще следует знать, прежде чем мы начнем день и отправимся по своим делам?

Стивен на мгновение задумался, пытаясь вспомнить, затем покачал головой, глядя на жену, все еще сидевшую за кухонным столом.

Но его мысли были уже далеко. Он думал о двух новых клиентах, которых хотел заполучить, и о том, которого хотел переманить у своего старшего по возрасту товарища по агентству. Такое он успешно проделывал не раз, нисколько не смущаясь. Для Стивена цель всегда оправдывала средства.

Даже шестнадцать лет назад, когда он перехватил стипендию университета Беркли у своего лучшего школьного друга. Тот парень вообще-то был лучше подготовлен, но Стивен знал, что он на первом выпускном экзамене воспользовался шпаргалкой, и позаботился, чтобы это стало известно кому следует. Не имело значения, что они были закадычными друзьями и отлично учившийся товарищ всегда помогал Стивену на экзаменах в старших классах школы, но... так или иначе, он пользовался шпаргалкой и был дисквалифицирован. Стивен же без тени сожаления покинул Детройт и больше не общался со своим другом.

Несколько лет назад сестра сообщила ему, что Том так и не получил аттестата и работает заправщиком на бензоколонке где-то в захудалом районе на окраине. Вот так. Выживают наиболее приспособленные. И Стивен Таунсенд был как раз из таких. Он приспособливался любыми возможными способами.

Он долю секунды глядел на Адриану, а потом повернулся и помчался наверх принять душ и переодеться.

Адриана все еще была на кухне, когда Стивен спустился, одетый, как всегда, безупречно: костюм цвета хаки, голубая рубашка и голубой с желтым галстук. Он снова был похож на кинозвезду или, во всяком случае, на звезду рекламного бизнеса. Адриана каждый раз поражалась – как ей удалось заполучить в мужья этого невероятно интересного мужчину.

– Ты хорошо выглядишь, милый.

Стивену, похоже, пришелся по душе ее комплимент, и он окинул жену теплым взглядом. Адриана встала из-за стола и взяла сумочку, с которой обычно ходила на работу. Это была черная кожаная сумка от Эрмеса, которой она пользовалась многие годы и любила так же, как свою старую спортивную машину.

На Адриане была темно-синяя шерстяная юбка, белая шелковая блузка, мягкий белый кашемировый свитер, наброшенный на плечи, и дорогие черные итальянские туфли. Все это создавало впечатление ненамеченой, спокойной элегантности и обыденности, но от внимательного взгляда не могли ускользнуть стиль, тонкий вкус и любовь к хорошим вещам, а скромность и естественность этой молодой женщины только добавляли ей привлекательности. Одним словом, когда они выходили из дому, то смотрелись очень гармонично.

Открывая дверцу «морриса», Адриана взглянула на мужа, который сажился за руль «порше», и рассмеялась. Стивена смущало, что кто-то может увидеть его рядом с ее машиной; он все грозил, что однажды отгонит ее на свалку.

– Ты сноб! – подсмеивалась над ним Адриана, но Стивен не понимал ее привязанности к этой развалюхе. В следующее мгновение, взревев мощным двигателем, его «порше» исчез; Адриана же обвязала голову шарфом, чтобы ветер не растрепал волосы, включила передачу и, с удовольствием слушая ворчливое пробуждение своего любимца, покатила на работу.

В это время на шоссе уже было полно машин, и через несколько минут Адриана безнадеежно застряла в пробке. Она нервничала, сидя в машине, и задавалась вопросом, удалось ли Стивену проскочить до затора.

Потом она мысленно переключилась на другое – то, что случалось с ней редко. У нее почему-то запаздывали месячные: должны были начаться два дня назад. Впрочем, с ее ненормальным режимом работы и постоянными стрессами такой небольшой задержке удивляться не следовало, однако прежде с Адрианой такого не случалось.

Она подумала, что надо еще пару дней выждать, а потом снова вернуться к этой проблеме, если она не решится сама собой, но тут поток машин наконец пришел в движение, Адриана нажала на педаль акселератора и продолжила свой путь.

В редакции, когда она приехала, царил полный хаос. Режиссер отсутствовал по болезни, опытный оператор, торопясь на работу, попал в небольшую аварию, а два достаточно неприятных корреспондента устроили перебранку недалеко от ее стола. В конце концов Адриана завелась и на всех накричала, что было встречено присутствующими с крайним удивлением, поскольку она редко теряла самообладание.

– Послушайте, как в таких условиях можно работать? Если хотите подраться, идите отсюда куда-нибудь в другое место!

Только что потерпел катастрофу самолет, в котором летел один из сенаторов, и корреспонденты с места события сообщили, что никого не осталось в живых. Ночью известная кинозвезда покончила жизнь самоубийством, а двое других любимцев Голливуда объявили о своем скором бракосочетании. Землетрясение в Мексике унесло без малого тысячу жизней.

Наступивший день был из числа тех, что угрожали Адриане язвой желудка, но зато она была в центре событий – так, во всяком случае, говорил Стивен. Вот только хотела ли Адриана жить в мире иллюзий, работая над мини-сериалами и передачами о женщинах Голливуда? Если не лгать самой себе, ей очень хотелось бы работать над каким-нибудь популярным сериалом, и она знала, что имеет теперь достаточно опыта для этого. В то же время было невозможно убедить Стивена, что подобное занятие ей больше по душе, чем выпуски «Новостей».

– Адриана!

Минутку она позволила себе помечтать, но больше времени не было, по крайней мере в этот день. Не вызывало сомнений, что поужинать с мужем вечером тоже не получится. Адриана подумала, что нужно ему позвонить и предупредить, но тут ее отвлек ассистент, появившийся с важной проблемой. Предстояло срочно найти резервную студию, так как их основную заняли, но Адриана была уже в курсе и все сама уладила, так что паника ассистента была напрасной.

В четыре часа она пообедала и лишь в шесть вспомнила, что надо позвонить Стивену. Но к этому времени он должен был уехать играть с друзьями в сквош, а ей еще предстояло много работы. Смирившись с перспективой долгого вечера на работе, Адриана вдруг ощутила странное чувство одиночества.

Заканчивалась пятница, все были дома или в гостях... на свиданиях, а может, и на диване с хорошей книжкой... Она же сидела в студии, слушала полицейские сводки об убийствах, несчастных случаях или читала телетайпные сообщения о трагедиях, происходивших по всему миру. Тоскливо было так проводить пятничный вечер, но Адриане тут же стало неловко за свои мысли.

– У тебя сегодня что-то хмурый вид, – улыбнулась Зелда, одна из ассистенток режиссера, подавая ей пластиковую кружку с кофе.

Адриана любила Зелду – она была веселой, смешливой, но обладала сильным, независимым характером; было ей лет сорок, и она успела уже несколько раз развестись. Ярко-рыжие волосы прихотливым огненным ореолом окружали ее голову.

– Наверное, я просто устала. Иногда меня все это достает.

– По крайней мере мы знаем, что ты еще здорова, – усмехнулась Зелда.

– А тебя это не достает? Господи, эти «Новости» всегда такие удручающие.

– Я их стараюсь пропускать мимо ушей, – равнодушно пожала плечами Зелда. – А после работы еду куда-нибудь потанцевать для хорошей разрядки.

– Наверное, ты права.

Адриана после работы всегда спешила домой, где уже мирно посапывал во сне Стивен. Правда, они вместе завтракали и проводили уикенды.

В течение следующих четырех часов Адриана занималась бумажной работой, потом проверила, все ли готово к ночному выпуску «Новостей», поболтала с ведущими, прочла все свежие материалы.

Вечер выдался довольно спокойный, и Адриане ужасно хотелось скорее попасть домой, к Стивену. Она знала, что муж ужинал с друзьями, но была уверена, что к моменту ее возвращения он уже будет дома. Он редко задерживался допоздна, и то если это сулило ему материальную выгоду – вроде деловых встреч с клиентами.

Вечерний выпуск, как и следовало ожидать, прошел гладко, и в одиннадцать тридцать пять Адриана уже ехала домой по шоссе Санта-Моника, а без пяти двенадцать отпирала входную дверь, нетерпеливо поглядывая на освещенные окна спальни.

Она радостно помчалась вверх, перескакивая через две ступеньки, но, войдя в спальню, увидела знакомую картину: Стивен крепко спал на своей половине кровати, по-детски раскинув руки, отдыхая после утомительного, насыщенного дня. Он так глубоко погрузился в сон, что не реагировал на шум.

– Ну что ж, – улыбнулась Адриана, и уже переодетая в халат, присела на край кровати рядом с мужем. – Похоже, сегодняшняя программа подошла к концу, как говорят на телевидении.

Она ласково поцеловала Стивена в щеку – тот даже не шелохнулся, – потом потушила свет и свернулась калачиком на своей половине кровати. Засыпая, Адриана снова подумала про запаздывание месячных, но решила, что не сегодня завтра они начнутся и все будет в порядке.

Глава 4

Проснувшись в четверть десятого, Адриана первым делом почувствовала доносившийся снизу запах жареного бекона и услышала шаги Стивена на кухне. Она улыбнулась про себя и повернулась на другой бок. Она любила субботы, любила, что Стивен в этот день был дома, приносил ей завтрак в постель, а потом они занимались любовью.

Едва Адриана об этом подумала, как услышала, что муж поднимается по лестнице. Он что-то напевал, проходя в дверь, громыхнул подносом. Снизу из стереосистемы доносилась негромкая музыка.

– Просыпайся, соня.

Стивен с улыбкой поставил рядом с ней поднос. Адриана потянулась и ласково улыбнулась в ответ.

Ее Стивен являл собой образец мужественности. Волосы еще были влажные после душа, белый теннисный костюм подчеркивал загар, а плечи при взгляде снизу казались просто громадными.

– Знаешь, дорогой, ты слишком привлекателен для повара. – Она, улыбаясь, поднялась на локте.

– Спасибо за комплимент, лентяйка моя.

Стивен присел на кровать рядом с ней. Адриана рассмеялась:

– Видел бы ты, как спал здесь вчера без задних ног, когда я вернулась с работы.

– У меня был трудный день, да и от игры в сквош устал.

Он, казалось, слегка смутился и, чтобы загладить свою вину, многообещающе поцеловал жену, которая в этот момент уплетала бекон.

– Ты сегодня играешь в теннис? – Адриана хорошо знала, что Стивен любит индивидуально-игровые виды спорта, особенно сквош и теннис.

– Ага. Но не сейчас – в одиннадцать тридцать. У нас еще есть время...

Он взглянул на часы и лукаво улыбнулся. Адриана снова засмеялась, но, прежде чем успела что-то сказать, Стивен сбросил теннисный костюм и нырнул к ней под одеяло.

– Ну и что теперь, мистер Таунсенд? Это не повлияет на вашу игру в худшую сторону?

Адриана обожала подшучивать над его серьезным отношением к теннису.

– Возможно.

Он задумался, что опять рассмешило Адриану, а потом повернулся к ней с игривой улыбкой:

– Вероятно, ради вас стоит пожертвовать игрой.

– Вероятно? Вероятно!.. Ну и нахал!

Но Стивен утихомирил ее поцелуем, и через несколько минут они напрочь забыли о теннисе.

...Спустя полчаса Адриана в сладкой полудреме лежала в объятиях мужа, а тот ласково поглаживал ее блестящие волосы. Приоткрыв один глаз, она поцеловала супруга и промурлыкала:

– Лично я... готова променять на это любой теннис...

– Я тоже.

Стивен лениво потянулся, но через некоторое время нехотя поднялся и пошел снова принять душ перед игрой с одним из жильцов их комплекса, неким Харвеем.

– Ты вернешься к ленчу? – поинтересовалась Адриана.

Стивен, сбегая по ступенькам, крикнул, что сам себе потом приготовит салат, и напомнил, что они приглашены в гости к Джеймсам в семь вечера.

Для Адрианы такой расклад субботнего дня получался очень напряженным, поскольку накануне она узнала, что должна быть на работе к вечерним «Новостям», а потом еще и к ночным. Значит, ей придется прямо в вечернем туалете отправляться на работу, потом мчаться домой, чтобы со Стивеном ехать на вечеринку, или встретиться с ним уже там и в положенное время снова уехать на телевидение.

Но Адриана понимала, как важна эта вечеринка для Стивена, и была готова приложить максимум усилий, чтобы составить ему компанию независимо от напряженности своего собственного графика. Она старалась не подводить Стивена, а тем более не нарушать из-за своей беспокойной работы домашних планов. Стивен довольно много ездил по командировкам, и в такие дни Адриана спокойно оставалась в редакции допоздна.

Стивен вернулся в два часа усталый, потный, но сияющий. Он был доволен победой над Харвеем, пусть даже соперник оказался не очень силен.

– Он совсем не в форме и после второго сета признался мне, что курит. Ему, дураку, повезло, что с ним на корте не случился сердечный приступ.

– Надеюсь, ты его щадила? – спросила Адриана из кухни, где готовила Стивену лимонад, хотя и так догадывалась, что ответ будет отрицательным.

– Он этого не заслуживал, – усмехнулся Стивен. – Этому лопуху нечего делать на корте.

Салат был уже приготовлен. Адриана подала его вместе с лимонадом и сообщила мужу, что вынуждена до вечеринки съездить на работу. Стивен не возражал. Сообщение о необходимости прибыть на ночной выпуск тоже не вызвало у него особого возмущения.

– О'кей. Меня кто-нибудь из приятелей подбросит до дома. Можешь взять мою машину.

– Если хочешь, я за тобой заеду, – предложила Адриана, виновато посмотрев на супруга, и добавила: – Мне правда очень жаль. Если бы все были на месте и режиссер не заболел...

– Нет проблем. Если ты отлучишься ненадолго, этого могут и не заметить. Тогда вообще все будет прекрасно.

На этот раз Адриана вопросительно взглянула на Стивена:

– Почему тебе так важна эта вечеринка, милый? Намечается что-то важное, о чем я не знаю?

«Может, очередное повышение?» – подумала она.

Стивен на мгновение состроил загадочную мину, а потом ухмыльнулся:

– Если сегодня все пойдет хорошо, может, мне удастся заполучить в клиенты фирму «Имфак». На прошлой неделе я получил доверительную информацию, что им не нравится их нынешнее агентство и они потихоньку подыскивают другое. Я им уже звонил. Майк этим очень заинтересовался. Может, он даже в понедельник пошлет меня в Чикаго встретиться с ними.

– Господи, это же богатейший клиент.

Даже Адриану это впечатлило. Фирма «Имфак» была одним из крупнейших рекламодателей в стране.

– Да, именно так. Возможно, мне придется провести там всю неделю, но, думаю, ты согласишься, что игра стоит свеч.

– Да, конечно.

Адриана присела на стул и внимательно посмотрела на мужа. Необыкновенный человек – в свои тридцать четыре года он добился многого, но не собирался останавливаться на достигнутом. Стивен тем более был достоин восхищения, что вышел из низов и все сделал сам. Адриана пыталась в свое время обратить на это внимание родителей, но те, казалось, решили игнорировать его положительные качества и твердили лишь о его чрезмерной амбициозности и эгоизме.

Как будто было преступлением стремиться к успеху, продвижению. По крайней мере, она так не думала. Имеет же он, в конце концов, право претворять в жизнь свои желания. Он

испытывает потребность в победах. Порой Адриане даже было его жаль, потому что из-за этого он очень болезненно переживал поражения, даже в теннисе.

Когда Адриана уезжала на работу, Стивен снова был на корте. Она пообещала заехать за ним ровно в семь.

В условленное время Стивен ждал ее – симпатичный, в новом блейзере, белых брюках и красном галстуке, подаренном Адрианой. Выглядел он великолепно, что не преминула отметить супруга. Вид Адрианы тоже понравился Стивену: изумрудно-зеленый шелковый костюм, подходящие по цвету туфли, а недавно вымытые волосы поблескивали, словно полированный агат. Садясь со Стивеном в «порше», она заметила, что муж рассеян и немного нервничает. Но перспектива контракта с фирмой «Имфак» объясняла его состояние.

По дороге в Беверли-Хиллз Адриана болтала со Стивеном о всяких пустяках, но, увидев дом, который был целью их поездки, приумолкла – столь сильное он производил впечатление.

Майк Джеймс был боссом Стивена, а его жена – самым модным и дорогим художником по интерьерам в этом престижном пригороде Лос-Анджелеса. В этот вечер хозяева справляли новоселье. Адриана была наслышана о многомиллионных ремонтных работах, которые велись здесь несколько месяцев, но увиденное превзошло ее ожидания.

На торжестве присутствовало не менее двухсот гостей, и Адриана почти сразу потеряла Стивена. Она слонялась между незнакомыми людьми, слушала обрывки чужих разговоров. Люди беседовали о своих детях, супругах, работе, путешествиях, домах...

Несколько человек заговаривали с Адрианой, но она, никого не зная и не желая общаться, держалась в стороне. Не раз она замечала, как, впрочем, случалось и прежде, что после вопроса, замужем ли она, собеседники обычно спрашивали, есть ли у нее дети. Адриане как-то неловко было отвечать «нет», потому что ее бездетность воспринималась как какой-то недостаток и не имело значения, что ей всего тридцать один год и у нее ответственная работа.

Те, у кого были дети, гордились собой, и в последнее время Адриана стала сомневаться, правильно ли они со Стивеном поступили, решив никогда детьми не обзаводиться. Конечно, решение не могло быть окончательным и бесповоротным, но Адриана знала, что для Стивена это слишком большой вопрос, и потому каждый раз ощущала некоторое беспокойство, когда вспоминала о запаздывании месячных. Между тем задержка с каждым днем все увеличивалась.

По дороге на работу она подумала, не купить ли в аптеке домашний тест на определение беременности, но посчитала это преждевременным. Не стоило паниковать из-за нескольких дней опоздания... А если это все-таки беременность?

Адриана стояла в стороне, глядя на гостей. Какой-то мужчина обратился к ней и предложил бокал шампанского. Но ей не хотелось поддерживать разговор. Когда он отошел, Адриана снова задумалась.

Что, если это в самом деле новая жизнь? Хочет ли она иметь ребенка на самом деле? Как отреагирует на известие Стивен? Так ли это ужасно? Или, наоборот, прекрасно? Может, он не прав в своем детоненавистничестве и свыкнется с мыслью о ребенке? А что она? Как быть с работой? Распрощаться с карьерой или вернуться на телевидение после родового отпуска, как поступают многие? Другие женщины не делают из этого драмы: имеют детей, работают. Никакая это не катастрофа... Или, может быть, все-таки катастрофа?

Адриану терзали сомнения. Охваченная ими, она не заметила, как внезапно рядом с ней появился Стивен.

– Порядок, – ухмыльнулся он.

– С контрактом? – опешила Адриана, от неожиданности испугавшись, что Стивен мог подслушать ее мысли.

– Нет, контракта еще нет. Но Майк хочет, чтобы я с ним в понедельник полетел в Чикаго. Мы с ними проведем строго конфиденциальные переговоры, обсудим их подходы и наши. И

если все пойдет хорошо, в чем я не сомневаюсь, то вернусь и сам начну готовить рекламную кампанию.

– Стивен, это фантастика!

Стивен, похоже, тоже так считал. Приняв от жены поцелуй, он позволил себе выпить пару рюмочек и, все еще сияя, проводил ее к машине, сказав, что кто-нибудь подбросит его до дома, поэтому заезжать за ним не надо. Он помахал Адриане на прощание и вернулся к гостям. Для Стивена этот вечер был изумительным.

У Адрианы же все мысли сосредоточились теперь на том, беременна она или нет. Эта проблема мучила ее все время, пока готовились и шли вечерние «Новости», и потом, по дороге домой.

Решив положить конец мучительному неведению, Адриана резко свернула и остановилась у аптеки, работавшей круглосуточно. Стивену не обязательно быть в курсе. Она может ему и не говорить... Но ей самой вдруг захотелось знать... если не сегодня, то все же как можно скорее. Если сейчас она купит тест, то сможет проверить себя в любой момент, когда наберется храбрости. Это можно сделать, пока Стивен будет в Чикаго.

Она купила тест, попросила аптекаря упаковать его в пакет из плотной коричневой бумаги и, спрятав на самое дно сумки, села в «порше» и поехала домой.

Стивен уже был в кровати. Во сне его лицо выражало высшее блаженство: он предвкушал поездку в Чикаго и главную сделку своей жизни.

Глава 5

На лице Уильяма Тигпена, стоявшего у окна своей квартиры и глядевшего в темноту, напротив, не было и следа блаженства. В этот субботний вечер он немного поработал, купил себе кое-что поесть, позвонил детям в Нью-Йорк, посмотрел телевизор и, в конце концов, почувствовал себя ужасно одиноко.

Был час ночи – самое время, чтобы позвонить Сильвии в Лас-Вегас. Она могла уже вернуться к себе в номер, а если нет, он оставит ей сообщение. Но телефон не отвечал.

Билл решил не вешать трубку до тех пор, пока снова не включится дежурный администратор. Неожиданно раздался хриплый мужской голос:

– Алло!

– Я хочу оставить сообщение для номера четыреста два, – отчетливо произнес Билл.

– Это четыреста второй, – раздраженно проворчал незнакомец. – Что вам надо?

– Я, наверное, ошибся, извините... – ответил Билл, но в следующее мгновение понял, что его соединили правильно.

– Ты ждала от кого-нибудь звонка? – спросил мужчина кого-то в комнате. Затем трубка, видимо, была прикрыта ладонью, потому что наступила тишина, и вдруг послышался смущенный взволнованный голос Сильвии. На ее месте лучше было бы вообще не подходить к телефону, но она не додумалась до этого и не решилась не ответить, поняв, что это звонит из Лос-Анджелеса Билл.

– Привет. Знаешь, тут возникла такая путаница, – стала сбивчиво объяснять она, а Билл чуть не расхохотался над абсурдностью ситуации. – Они забыли забронировать для нас половину номеров, и четверым пришлось поселиться в одном.

Прелестно. История, достойная «мыльной оперы», а он оказался в ее центре, хотя и чувствовал себя сторонним наблюдателем.

– Это глупо, Сильвия... Что это вообще за дела?

Он говорил как раздраженный любовник, но, как ни странно, таковым себя не чувствовал, не чувствовал даже злости, а лишь разочарование и нелепость ситуации. В течение какого-то времени им было хорошо друг с другом, но стало совершенно очевидно, что это прошло.

– Мне... Мне правда очень жаль, Билл... Я так сразу не могу тебе объяснить. Но здесь все так запуталось... Я...

Сильвия всхлипывала, а Билл, слушая ее, чувствовал себя круглым дураком. Он поймал свою подружку на месте преступления и еще хотел извиняться за собственную глупость.

– Может быть, поговорим об этом, когда ты вернешься?

– А ты меня прогонишь из сериала?

От этой фразы Билл совсем помрачнел. Он был не из таких людей и расстроился, что Сильвия этого не понимает.

– Одно с другим никак не связано, Сильвия. Это разные вещи.

– О'кей... Извини... Я вернусь в воскресенье вечером.

– Желаю тебе приятно провести время, – сказал он насмешливо и повесил трубку.

Этот сюжет закончился. «Ему и не следовало начинаться, но он начался, – подумал Билл, – потому что я был ленив, а она удобна и чертовски сексапильна. Она меня, несомненно, нокаутировала, а теперь нокаутирует кого-то другого».

На минутку Билла посетила надежда, что мужчина с хриплым голосом, возможно, даст Сильвии больше счастья. Сам он мог дать женщинам слишком мало, у него не хватало на них времени и не было желания еще раз испытывать боль, которую он испытал от потери Лесли и детей.

Это были удобные аргументы, и их обычно подтверждали такие или подобные сцены. Билл понимал, что Сильвии хотелось того, что он не мог ей дать, – внимания, настоящей преданности, может быть, даже любви. А он был в состоянии предложить лишь доброту и немного развлечений.

Билл некоторое время размышлял о Сильвии, глядя в ночное небо, потом выпил в ее честь содовой и стал укладываться спать, думая о своей жизни. Ему вдруг стало одиноко и грустно оттого, что все кончилось вот так, после единственного звонка в Лас-Вегас.

В эту ночь Билл долго не мог уснуть, лежал и все думал о женщинах, которые прошли через его жизнь за последние годы: как мало они на самом деле для него значили, как равнодушны к нему были, сколь поверхностны были их отношения и бесцветен секс.

Засыпая, он впервые за долгое время с тоской вспомнил Лесли и чувства, которые некогда их связывали. Казалось, что это было безумно давно. Билл сомневался, что подобное может повториться. Вероятно, такое происходит только раз в жизни, когда человек молод. Видимо, на второй шанс рассчитывать не приходится...

Перед самым погружением в сон его мысли обратились к сыновьям, Адаму и Томми. В конце концов, важны для Билла были только они.

Глава 6

Воскресенье прошло в суматохе приготовлений к командировке Стивена с перерывами на теннис, так что Адриана, занимаясь домашними делами, даже позабыла о тесте, спрятанном на дне ее сумки.

Она постирала рубашки, приготовила ленч Стивену и троим его друзьям – партнерам по парной игре – и все это время почти не разговаривала с мужем, но он, казалось, этого не замечал. А вечером они поехали в кино.

Адриана с трудом следила за происходящим на экране, вчитывалась в субтитры шведского фильма, а сама все время думала о своей возможной беременности. За последние два дня это превратилось для нее в навязчивую идею: все-таки месячные у нее никогда так не запаздывали, и это было основанием для определенных выводов. В остальном она ощущала себя нормально, в организме никаких изменений не произошло, кроме обычных для периода, предшествующего менструации. У нее слегка набухла грудь, появилась некоторая нервозность, вот и все.

Тем не менее больше всего она хотела, чтобы Стивен поскорее улетел и можно было бы спокойно все выяснить. Адриана почему-то была уверена, что, сделай она тест, пока муж в Лос-Анджелесе, он узнал бы о случившемся. Она не решилась на проверку даже после его отъезда в аэропорт в понедельник. А если он вернется?.. Если что-нибудь забудет... и застанет ее в ванной с пробиркой, наполненной ярко-голубой жидкостью... в том случае, если она беременна.

Адриана все еще не верила, что это могло с ней случиться: они были всегда очень осторожны за исключением, пожалуй, одного случая... всего одного... почти три недели назад... три недели...

Весь день на работе она думала об этом, а после шестичасовых «Новостей» помчалась домой, поднялась наверх, в ванную, сделала все по инструкции, потом села в спальне и стала ждать, нервно поглядывая на будильник, не доверяя даже своим наручным часам. Если содержимое пробирки окрасится в голубой цвет, это значит... Ждать нужно было десять минут, но уже через три минуты игра «угадайка» закончилась.

Бессмысленно было надеяться, что с жидкостью в пробирке произойдут обратные превращения: голубизна ее была такой насыщенной, яркой, ответ таким определенным, что вопросов больше быть не могло.

Адриана стояла как вкопанная, потом села, не отрывая глаз от пробирки. Сомнений не оставалось. Она осознала, что, несмотря на желание или нежелание Стивена, несмотря на их предельную осторожность и принятые раньше решения... независимо от всего это случилось.

Она беременна.

Устремленные на пробирку глаза Адрианы медленно наполнялись слезами. Теперь перед ней встал новый вопрос: что скажет Стивен? Она была уверена, что муж поднимет скандал. Но скандал, как гроза, отгремит и неминуемо закончится. А что будет потом? Будет ли Стивен в самом деле против? А может, в конце концов изменит свое мнение и свыкнется с мыслью о будущем ребенке?

Конечно, он сам не верит во все ужасные вещи, которые твердил на протяжении последних трех лет. Конечно, один маленький ребенок – это ничего страшного.

Адриана знала о своей беременности всего каких-то пять минут, но для нее это уже был ребенок, она была готова бороться за его жизнь и молилась, чтобы Стивен разрешил оставить его. Принудить ее сделать аборт он все-таки не может, да и будет ли настаивать? Стивен же разумный человек, а это его ребенок.

Она сидела в ванной с закрытыми глазами, а слезы медленно скатывались по ее щекам. Что же теперь делать? Ей было одновременно и радостно, и грустно, и немного боязно от пер-

спективы объяснения с мужем. Стивен всегда шутил, что если она когда-нибудь забеременеет и решит оставить ребенка, то он уйдет от нее. Но, конечно, это была только шутка... а если нет?.. Как ей быть? Адриане, конечно, не хотелось терять его, но как она может отказаться от малыша?

В течение всей недели Адриана испытывала адские муки, пытаясь придумать, как лучше сообщить о случившемся Стивену при возвращении.

Каждый раз, когда он звонил из Чикаго, сообщая об успешном продвижении переговоров с фирмой «Имфак», она испытывала смущение и рассеянность.

Наконец в четверг вечером Стивен спросил, что случилось: ему показалось, что до жены не доходит смысл его слов. Переговоры проходили великолепно, на следующий день он возвращался в Лос-Анджелес, но во вторник будущей недели снова собирался в Чикаго.

– Адриана, у тебя все в порядке?

– А что?

Адриана замерла. Что он имеет в виду? Неужели знает? Но как он может знать?

– Да так, ничего. Но ты всю неделю как-то странно говоришь. Ты здорова?

– Да... нет... вообще-то у меня были ужасные головные боли, – не слишком уверенно сказала она. – Я думаю, это просто стресс... от работы...

На самом деле ей раз или два становилось дурно, а может, это была только фантазия. Но беременность фантазией не была. Чтобы окончательно убедиться, Адриана даже еще раз повторила тест.

Слезы жгли Адриане глаза, когда она слушала мужа. Ей хотелось, чтобы он немедленно прилетел и можно было бы ему сказать обо всем. Она хотела, чтобы все было позади, хотела быть честной со Стивеном, надеялась, что он не станет возражать, скажет, что все хорошо, и можно будет расслабиться и ждать ребенка... Ребенка...

Это было удивительно. За несколько дней ее жизнь перевернулась, все мысли сосредоточились на малыше. Ради Стивена она согласилась на бездетность, теперь же была готова ради неизвестного малыша переставить все с ног на голову: поменять квартиру, образ жизни, если надо – работу, отказаться от независимости и свободы. Адриана только иногда со страхом думала о будущем материнстве, сомневаясь, получится ли у нее быть хорошей матерью, справится ли с новой для себя ролью, и тем не менее понимала, что должна попробовать.

Вечером в пятницу Адриана хотела поехать в аэропорт, чтобы встретить Стивена, но задержалась на работе. Когда она вернулась домой, Стивен распаковывал вещи. По телевизору шел выпуск «Новостей», звучала музыка – словом, с его возвращением из Чикаго квартира снова ожила.

Он что-то напевал про себя и, увидев Адриану, улыбнулся:

– Привет... где ты пропадала?

– На работе, как всегда.

Она нервно улыбнулась, медленно подошла к мужу и, когда тот обнял ее, крепко к нему прильнула, словно ища поддержки.

– Малышка... в чем дело?

Стивен чувствовал, что всю неделю что-то было не в порядке, но что именно, оставалось для него загадкой. Адриана выглядела здоровой, и тут он с тревогой подумал: может, ее уволили с работы и она стесняется об этом сказать? Обидно было бы, конечно, терять такое хорошее место.

– Что-нибудь с работой?.. Ты...

Он осекся, когда увидел выражение ее глаз. Стивен не знал, в чем дело, но моментально понял, что произошло нечто серьезное.

Стивен уложил Адриану на кровать, обнял, словно стараясь защитить от всех невзгод. В конце концов, они могли вдвоем жить на его зарплату, его дела шли исключительно хорошо – Майк уже обещал значительное повышение в случае успешного окончания переговоров.

– Что случилось?

Глаза Адрианы наполнились слезами, и в первый момент она не могла вымолвить ни слова. Этим мгновениям следовало быть счастливейшими в их супружеской жизни, но из-за того, что было сказано Стивеном когда-то, они стали самыми пугающими.

– Тебя уволили?

Адриана сквозь слезы улыбнулась и покачала головой:

– Нет, к сожалению. Иногда мне кажется, что это принесло бы мне большое облегчение.

Но Стивен не воспринял ее слов всерьез. Он знал, как Адриана любит свою работу. Она так долго к этому стремилась.

– Ты больна?

На этот раз Адриана медленно покачала головой, помолчала немного и с выражением тихой решимости посмотрела мужу в глаза:

– Нет, я не больна...

А затем сделала глубокий вдох и, молясь, чтобы Стивен воспринял новость хорошо, произнесла:

– Я беременна.

Наступило бесконечно долгое молчание. Адриана слышала гулкие удары своего сердца и тяжелое дыхание Стивена.

Внезапно он вскочил и с негодованием взглянул на нее:

– Надеюсь, ты шутишь?

– Нет.

Адриана знала, что для него это будет шок. Да она и сама была потрясена, хотя не совершила ничего предосудительного.

– Ты меня разыгрываешь? Это невозможно... Мы всегда были аккуратны...

Она покачала головой:

– Нет. Это действительно случилось.

– Вот беда.

В выражении лица Стивена появилась какая-то холодность, Адриана это заметила, и ее сразу же охватила паника.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Скверная получилась история, – произнес он тихо и с явной досадой. – Извини, Адриана, что так неудачно вышло.

– Я бы не называла это удачей или неудачей, – слабо возразила она. – Ты же знаешь, что все произошло помимо нашей воли.

Стивен кивнул. Сообщение жены сильно раздосадовало его.

– Думаю, на следующей неделе тебе надо будет этим заняться.

От его слов у Адрианы застыла кровь в жилах. Для Стивена все было так просто. Заняться этим. Но для нее это уже не было просто.

Адриана вопросительно посмотрела на мужа:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, что я имею в виду, Адриана. Нам нельзя иметь ребенка, черт подери, тебе это прекрасно известно.

– Почему? Может, я о чем-то не проинформирована? О какой-нибудь ужасной наследственной болезни или о планах полета на Луну? По какой причине нам нельзя иметь ребенка? Есть ли она вообще? – с вызовом спросила она.

– Да, есть. И очень веская.

Они стояли в спальне друг против друга. Стивен с каменным лицом произнес:

– Мы давным-давно условились, что не станем заводить детей. Я полагал, что для нас обоих это не были пустые слова.

– Но объясни почему. Я не понимаю, отчего мы не можем иметь детей.

Адриана с мольбой посмотрела на мужа:

– У нас обоих хорошая работа. Живем мы состоятельно и на наши доходы вполне могли бы содержать малыша.

– А ты представляешь себе, сколько это стоит? Образование, одежда, медицинское обслуживание. Да и нечестно будет давать жизнь нежеланному ребенку, – покачал головой Стивен. – Нет, Адриана, ты не права.

Стивена охватил страх, когда он увидел, что не убедил Адриану. Она знала, что муж придерживается крайних взглядов из-за того, что в детстве познал нищету, но их жизнь была совершенно иной.

– Деньги – это не все. Мы любим друг друга, хорошо живем, имеем просторную квартиру. Что тебе еще нужно?

– Желание иметь детей, – сказал он спокойно, – а его у меня нет. И никогда не будет. Я говорил тебе это до нашей женитьбы и продолжаю настаивать на своем. Тебе придется избавиться от этого... – Стивен на мгновение замешкался, подбирая слова. – ...плода.

Он сознательно не сказал «ребенка».

– А если я не захочу?

– Будешь дурой, – пожал плечами Стивен. – У тебя намечается блестящая карьера, если постарайся, а имея ребенка, ты не сможешь заниматься своей работой.

– Я могу взять положенный шестимесячный отпуск по уходу за ребенком. Многие женщины так делают.

– Да, и в конце концов ставят крест на своей карьере, рожают еще пару-тройку детей и становятся скучными толстыми домохозяйками. А потом ненавидят за это себя и своих чад.

Стивен высказал вслух самые худшие из ее опасений, и все равно Адриана считала, что стоит воспользоваться дарованным судьбой шансом и родить ребенка.

Она не хотела от этого отказываться только потому, что не иметь детей проще, чем их иметь. Ну и что из того, что они не миллионеры? Почему все должно быть так идеально? И почему он не может понять ее чувств?

– Я думаю, нам следует хорошенько подумать и все тщательно взвесить, прежде чем мы совершим что-то радикальное, о чем потом будем сожалеть, – упрямо сказала Адриана.

У нее были подруги, которые делали аборты и ненавидели себя за это.

Однако Стивен стоял на своем.

– Поверь мне, Адриана, – он несколько смягчил тон и на шаг приблизился к ней, – ты не пожалеешь, наоборот, потом почувствуешь облегчение. Эта штука может стать серьезной угрозой нашему браку.

«Штукой» Стивен назвал их ребенка. Ребенка, которого она успела полюбить за те четыре дня, как узнала о его существовании.

– Это не обязательно должно стать угрозой нашему браку.

Слезы подступили к глазам Адрианы. Она посмотрела на мужа:

– Стивен, пожалуйста... не принуждай меня делать это... пожалуйста...

– Я ни к чему тебя не принуждаю, – раздраженно ответил Стивен, расхаживая по спальне, словно зверь в клетке. – Я просто говорю, что это досадная случайность, которая может совершенно переменить нашу жизнь, и было бы безумием ничего не предпринять и покорно с ней смириться. Наша жизнь поставлена на карту. Вот и решай, как тебе поступить.

– Почему ты так на это смотришь? Почему ребенок кажется тебе такой угрозой? Почти все семейные пары нашего возраста имеют детей.

Адриана не понимала, почему Стивен был так бескомпромиссен в этом вопросе и считает детей врагами.

– Ты понятия не имеешь, Адриана, во что дети могут превратить твою жизнь. А я наблюдал это на примере моей семьи. У моих родителей никогда ничего не было. Мать носила одну паршивую пару туфель, одну пару на протяжении всего моего детства! Она сама нас обшивала, а потом мы занасивали вещи до такой степени, что они разваливались. Мы не имели книжек, кукол или игрушек. У нас не было ничего, кроме бедности и нас самих.

Адриана признавала, что все, о чем говорил Стивен, было ужасно, но это не имело никакого отношения к их теперешней благополучной жизни, а он никак не хотел этого понять.

– Печально, что тебе пришлось такое испытать, Стивен. Но нашим детям не пришлось бы испытывать в чем-нибудь нужду. Мы оба хорошо зарабатываем, нам и ребенку хватило бы на более чем безбедное существование.

– Тебе так только кажется. А школа? А колледж? Ты знаешь, сколько теперь стоит обучение в Стэнфорде? А как с нашим путешествием в Европу? Мы больше будем не в состоянии его предпринять. Придется от многого отказаться. И ради чего? – Он возвысил голос почти до крика. – Ты в самом деле готова пойти на это?

– Я не понимаю, почему ты говоришь о крайностях! А если нам, Стивен, и придется чем-то пожертвовать, неужели ребенок не стоит этого? – дрогнувшим голосом спросила она.

Стивен не ответил, но его глаза сказали все: для него ребенок не стоит жертвы.

Адриана продолжила:

– Во всяком случае, мы говорим не о планировании детей в будущем. Мы говорим о малыше, который уже существует. Это большая разница.

Разница была для нее, но не для него.

– Мы говорим не о малыше. Мы говорим о чем-то непонятном. Капелька спермы коснулась микроскопической яйцеклетки. Что из этого получилось? Ровным счетом ничего. Вопросительный знак, микроскопическая потенциальная возможность стать родителями и не более, и мы этой потенциальной возможности не хотим. Подумай об этом. Все, что тебе надо сделать, – пойти к своему врачу и сказать: «Я не хочу».

– И что дальше?

Слушая Стивена, она чувствовала, как в ней закипает гнев.

– Что дальше, Стивен? Он что, просто скажет: «О'кей, Адриана, ты не хочешь ребенка? Нет проблемы», – и перепишет его из графы «Да» в графу «Нет» в своем списке? Не совсем так. Доктор высосет его вакуумным аппаратом и выскоблит меня. – Адриана сделала паузу, потому что слова, которые она произносила, внушали ей ужас. – Он убьет нашего ребенка, вот что он сделает, Стивен. Вот что значит сказать «не хочу». Но в том-то и дело, что я хочу его, и тебе тоже следует об этом подумать. Это не только твой малыш, но и мой, это наш малыш, хочется тебе того или нет. И я не собираюсь от него избавляться только потому, что ты так велишь.

Адриана говорила, подавляя рыдания, но Стивен как будто не слышал ее. Под влиянием охватившего его ужаса он стал холоден и бездушен. Страх словно заморозил его.

– Понятно, – произнес он холодно и отстраненно посмотрел на жену. – Так ты хочешь сказать, что не будешь избавляться от него?

– Я еще ничего не сказала. Я просто прошу тебя об этом как следует подумать и говорю, что хотела бы его оставить.

Адриана сама не ожидала такого признания. Однако просьбы оставить малыша были похожи на разговоры о щенке, которого она из жалости хотела приютить, а не о ребенке, и это приводило ее в отчаяние.

Стивен печально кивнул, взял ее за руку, потянул на кровать и лег рядом. Чувствуя его близость, такой знакомый запах, Адриана перестала себя контролировать и разрыдалась. Потрясение, страх, напряжение, волнение, кипевшие в ней, вырвались наружу потоками слез.

– Прости, малышка... Прости, что с нами такое случилось... Все будет хорошо... вот увидишь... Прости...

Адриана плохо понимала, что ей говорит Стивен, но радовалась его объятиям и надеялась, что он подумает и изменит свое мнение. Ее крайне изнуряла необходимость преодолевать его сопротивление.

– Ты меня тоже прости, – произнесла она наконец.

Стивен стал гладить волосы Адрианы, поцелуями осушил ресницы и щеки, неторопливо снял блузку, шорты и все остальное. Адриана, нагая, лежала рядом, и Стивен залюбовался своей женой: у нее было изумительное тело, портить которое беременностью, по его мнению, было бы преступлением.

– Я тебя люблю, Адриана, – сказал Стивен ласково.

Он слишком любил жену, чтобы разрешить ей совершить такую глупость. Еще он любил себя, их сложившийся образ жизни, все, к чему они стремились и чего достигли. Никто не имел права на это покушаться, ребенок в том числе.

Стивен страстно поцеловал Адриану, она ответила не менее пылким поцелуем, полагая, что муж наконец понял ее чувства.

Потом они занимались любовью, очень ласково и нежно. В эти минуты близости спор был оставлен, и каждый надеялся, что супруг проявит понимание и согласится с его собственной позицией.

Еще долгое время спустя они лежали в объятиях друг друга, и им было необыкновенно хорошо.

На следующий день они проснулись лишь в полдень, и Стивен предложил пойти поплавать, что и было сделано после душа и завтрака. Адриана пребывала в задумчивости и молчала, пока они, держась за руки, шли к бассейну.

Бассейном жилого комплекса пользовались все жильцы близлежащих домов, но в тот чудесный майский день там никого не было. Погода стояла солнечная, и люди поехали на пляж, в гости или просто загорали на крышах, как правило, нагишом.

Стивен неумоимо плавал вперед-назад, Адриана же немного поплавала, потом легла на солнце и задремала. Ей не хотелось говорить о ребенке, по крайней мере сейчас. Она надеялась, что муж успокоится и привыкнет к этой мысли.

Ей и самой тоже нужно было привыкать, но Адриана понимала, что Стивену это будет сделать гораздо труднее.

– Пошли домой? – спросил он, когда было уже начало шестого.

Весь день они практически не разговаривали. После эмоционального разговора, состоявшегося накануне вечером, Адриана все еще чувствовала себя утомленной.

Они отправились домой. Адриана приняла душ, Стивен включил стереосистему – под музыку приятней готовить обед.

Адриане хотелось провести с мужем спокойный вечер. Им надо было многое обдумать, многое взвесить.

– Ты в порядке? – спросил Стивен, когда она готовила спагетти и салат.

– Да. Просто немного устала.

Стивен кивнул:

– На следующей неделе ты почувствуешь себя лучше, когда все будет позади.

Адриана не могла поверить, что он опять начинает все сначала. Она прекратила резать овощи и в изумлении уставилась на мужа:

– Как ты можешь такое говорить?

И вдруг с ужасом поняла, что он и не пытался ничего переосмыслить. Он был тверд в своем мнении, считая, что может решать не только за себя.

– Адриана, в данный момент это вопрос твоего самочувствия. Из-за этой штуки ты чувствуешь себя паршиво – значит, надо ее устранить. Вот и все. Очень просто.

Адриана была потрясена его бездушием, полным безразличием к их малышу.

– Твои слова просто отвратительны, – вспыхнула она. – Все далеко не так просто, и ты это прекрасно знаешь.

Она не собиралась в этот вечер возвращаться к данной теме, но, раз Стивен поднял ее, Адриана снова вступила в дискуссию:

– Это же наш ребенок в конце концов.

На глазах у нее, как назло, опять выступили слезы. Вообще-то Адриана не была плаксой, но Стивен своим отношением к аборту совершенно вывел ее из равновесия.

– Я не собираюсь этого делать, – отрезала она, ставя обед на кухонную стойку, и бросилась наверх, в спальню.

Лишь через час Стивен наконец поднялся к ней, чтобы продолжить беседу. Адриана лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

Он сел рядом и очень мягко, спокойно заговорил:

– Адриана, ты должна сделать аборт, если для тебя представляет ценность наш брак. Если ты этого не сделаешь, все рухнет.

Адриана понимала, что крушения не избежать в любом случае. Если она сделает аборт, то всегда будет горевать об утрате, а если не сделает, Стивен может ей никогда этого не простить.

– Боюсь, что я не смогу, – ответила она, не глядя на него.

Адриана не обманывала мужа – аборт представлялся ей чем-то невыносимым.

– Советую тебе все хорошенько обдумать. Решай, что тебе дороже. Если ты не сделаешь аборт, наш брак разрушится и ты потеряешь работу.

– Меня не волнует работа.

В самом деле, гораздо больше ее теперь волновал будущий ребенок. Удивительно, как быстро он стал для нее важен.

– Неправда: тебя, конечно же, волнует твоя работа, – возразил он.

Стивену казалось, что Адриана в считанные часы стала другим человеком.

– Нет, не волнует... но наш брак я разрушать не хочу, – сказала она печально, поворачиваясь к нему лицом.

– Я могу сказать тебе одно и знаю это наверняка, Адриана: ребенка иметь я не желаю.

– Ты потом наверняка изменишь свое мнение. Так бывает со многими, – произнесла Адриана с надеждой, но Стивен покачал головой:

– Нет. Я не желаю иметь детей. Никогда не желал и не буду. Раньше ты с этим соглашалась, не так ли? Что же изменилось?

Адриана задумалась, а потом призналась:

– Я полагала, что, может... когда-нибудь ты передумаешь. То есть... если бы у нас детей действительно никогда не было, я бы не возражала. Но в такой ситуации, как эта... я думала, что, может... Не знаю, Стивен. Я сама не стремилась к этому. Но теперь, когда он есть, как ты можешь просто вычеркнуть его из нашей жизни, даже не подумав? Это ужасно.

– Могу, потому что от этого зависит уровень нашей жизни и потому что ты для меня гораздо важнее, чем ребенок.

– Но места всем хватит, – пыталась возразить Адриана.

– Нет, только не в моей жизни. Там есть место только для тебя и ни для кого другого. И я не собираюсь конкурировать с ребенком за твое внимание. Думаю, мои родители обменялись друг с другом за двадцать лет не больше чем парой слов. У них никогда не было ни времени,

ни энергии, ни желания. Они были слишком измотаны, стараясь прокормить ораву голодных ребятишек. Когда мы выросли, на них было жалко смотреть. Это были два измученных, старых, конченных человека. Ты этого хочешь?

– Но ведь один ребенок не грозит такими последствиями, тем более что нельзя сравнивать наше материальное положение, – мягко убеждала мужа Адриана, понимая всю безрезультатность своих попыток.

– Я, Адриана, не хочу рисковать, – произнес Стивен, пристально глядя на нее. – Сделай аборт, прошу тебя.

Голос у Стивена дрожал.

Он встал и пошел вниз, чтобы очутиться подальше от жены, от зачатого в ней ребенка, который внушал ему страх.

Адриана, в одиночестве лежа в спальне, долго думала и в итоге поняла, что, если избавится от малыша, важная часть ее души будет погублена навсегда.

Глава 7

Воскресенье и понедельник прошли под знаком кошмарных споров и взаимных обвинений.

В шесть утра во вторник, перед отъездом Стивена, с Адрианой случилась истерика, она разрыдалась и согласилась выполнить его требование. Она не хотела терять любимого мужа, ради него готова была пожертвовать даже ребенком. Стивену Адриана пообещала, что в его отсутствие займется абортom. Визит к врачу был назначен на полпятого.

Все оставшееся до приема время Адриана, рыдая, пролежала в постели, чувствуя нараставший страх, потом вскочила, наспех оделась и бросилась вон из квартиры. Ей хотелось убежать от всего, что случилось, от того, что предстояло сделать, – ради сохранения их брака.

Медсестра пригласила ее в кабинет. Адриана поднялась, растерянная и сильно взволнованная. Слаксы, водолазка и туфли на ней были черного цвета. Черноволосая, бледная, в таком наряде она выглядела необычайно мрачно, почти траурно.

Сестра проводила Адриану в маленькую комнату, смежную с кабинетом доктора, велела раздеться и надеть халат.

Адриана бывала здесь прежде на консультациях и ежегодных осмотрах, но тогда обстановка не казалась ей такой зловещей.

Одетая только в черную шелковую комбинацию и голубой бумажный халат, она села в гинекологическое кресло, стараясь не думать, почему пришла в этот кабинет и что должно случиться дальше. Адриана твердила себе, что делает это ради Стивена, потому что любит его и не хочет разрушать семью.

Наконец вошел врач, улыбнулся, узнав пациентку, и перелистал ее медицинскую карточку. Эта симпатичная молодая женщина всегда ему нравилась.

– Чем сегодня могу быть вам полезен, миссис Таунсенд?

Доктор был приятным старомодным мужчиной, примерно ровесником отца Адрианы.

– Я... – Адриана запнулась.

Врач обратил внимание на ее бледность и огромные, расширенные глаза.

– Я пришла... сделать аборт.

Слова были сказаны так тихо, что врач едва их расслышал.

– Понятно.

Он сел на маленький вращающийся табурет и еще раз просмотрел ее карточку. Замужем, тридцать один год, здорова, никаких противопоказаний. А может, ребенок не от мужа?

– У вас какие-то серьезные причины для этого, миссис Таунсенд?

Адриана грустно кивнула. По ее огорченному виду доктор сразу определил, что она пришла к нему в кабинет вопреки своей воле.

Он видел многих женщин в состоянии стресса: женщин, готовых на все, лишь бы избавиться от нежелательной беременности, – но эта пациентка не из их числа. Доктор был готов биться об заклад, что на самом деле она не хочет делать аборт.

– Мой муж считает, что сейчас для нас неподходящий момент заводить детей.

Доктор снова кивнул, прекрасно ее понимая.

– Но какие у него основания так считать? – мягко поинтересовался он. – Ваш супруг остался без работы? Или у него проблемы со здоровьем?

Доктор пытался выяснить, почему Адриана пришла к нему, и не собирался без веских на то причин делать аборт, так как чувствовал моральную ответственность за своих пациенток.

Однако Адриана качала головой в ответ на все его вопросы:

– Нет, он просто... он просто считает, что сейчас нам ни к чему иметь детей.

– А он вообще хочет их иметь?

Адриана замешкалась с ответом, в ее глазах блеснули слезы.

– Нет... – едва слышно проговорила она. – Думаю, что нет. У него было тяжелое детство, он вырос в многодетной семье. Ему сложно понять, что не всегда все так плохо.

– Безусловно. У вас хорошая работа, и он, полагаю, тоже твердо стоит на ногах. Как вы считаете, он может в будущем изменить свои взгляды?

Адриана печально покачала головой, по щекам скатились слезинки.

Доктор поспешил успокоить ее:

– Не волнуйтесь, Адриана. У вас еще есть время все как следует обдумать и еще раз поговорить с мужем. Аборт – это слишком серьезный шаг...

Он обратился к ней по имени, потому что понимал важность проблемы. Адриане было не до формальностей, она нуждалась в друге, а врач хотел ей помочь.

– Во-первых, я должен убедиться, что вы действительно беременны и это не ошибка. Вы уже делали тест на беременность?

Он был уверен, что Адриана его делала, иначе не пришла бы к нему с такой проблемой.

– Да, дважды. И месячные у меня запаздывают уже на две недели.

– Значит, по нашим методам подсчета, у вас примерно пятая неделя беременности. Так я думаю, но мы на всякий случай сейчас еще раз проверим. После этого вы пойдете домой, и, пожалуйста, еще раз все как следует обдумайте. Если ваше желание прервать беременность не изменится, можете снова прийти хоть завтра. Вы согласны на такой вариант?

Адриана кивком подтвердила, чувствуя себя в состоянии полуоцепенения-полуистерии, думая, что не переживет всего этого. После осмотра доктор подтвердил факт беременности и на прощание посоветовал ей еще раз попытаться поговорить об этом с мужем. Доктор даже предложил свою помощь и сказал, что Стивен может зайти к нему для беседы. Он только не учел, что Стивен абсолютно бескомпромиссен в данном вопросе.

Позвонив вечером Адриане, он был явно раздражен тем, что она еще не сделала аборт.

– Почему, черт подери, он не сделал этого сегодня? Какой смысл ждать? Зачем тянуть с этим неприятным делом?

– Доктор хочет, чтобы мы еще раз все обдумали. Может, стоит прислушаться к его совету?

Сознание того, что ей предстоит, повергало Адриану в состояние депрессии.

– Когда ты возвращаешься? – с тревогой спросила она, но Стивен, похоже, не заметил паники в ее голосе.

– Не раньше пятницы. А в субботу утром мы с Майком играем в теннис. Вы с Нэнси можете потом к нам присоединиться – сыграем сет парами, – сказал он как ни в чем не бывало.

Адриана не верила своим ушам. Или Стивен был полностью лишен чувств, или просто глуп.

– Я не уверена, что в субботу буду в состоянии играть в теннис.

Сарказм в ее голосе звучал совершенно отчетливо.

– Ах да... Я совсем забыл.

В течение десяти секунд? Как можно об этом так скоро забыть? Но прежде всего как можно толкать ее на такой шаг?

– Я бы хотела, чтобы ты тоже еще раз подумал. Стивен, ведь это не только мой ребенок, но также и твой.

Она говорила, а сама чувствовала даже на разделявшем их расстоянии, что между ними стоит стена непонимания.

– Адриана, я уже сказал тебе свое мнение. И не хочу больше к этому возвращаться. Займись же этим, черт подери, – резко сказал Стивен. – Я не понимаю, зачем тебе понадобилось ждать до завтра.

Адриана не ответила, потрясенная жестокостью слов мужа. Получалось, что она подвела его, позволив этому случиться, и теперь должна была любой ценой все уладить, чего бы ей это ни стоило.

– Я тебе позвоню завтра вечером.

У Адрианы к горлу подступил комок, слезы жгли глаза.

– Зачем? Только для того, чтобы проверить, сделала ли я аборт? – задала она последний вопрос и попрощалась со Стивеном, чувствуя, что сердце разрывается, потому что через несколько часов их ребенка спасти уже будет нельзя.

Адриана пролежала без сна всю ночь, плакала и думала о ребенке, которого так никогда и не увидит, ребенке, которого предстояло принести в жертву мужу.

Наступившее утро она встретила словно утро своей казни. На работу ехать было не нужно – Адриана взяла недельный отпуск. Предстояло только одно – снова отправиться к врачу и заставить себя сделать аборт.

Одеваясь, она все думала, что в последнюю минуту позвонит Стивен и остановит ее: скажет, что согласен иметь ребенка, – но он не позвонил.

К доктору надо было явиться в девять часов. Это время Адриане назначили на случай, если она не откажется от аборта. С прошлого вечера она ничего не ела и не пила – только при таком условии можно было применять обезболивание.

Бледная, дрожащая Адриана вела машину по Вилширскому бульвару. К врачу она прибыла без пяти девять, сообщила сестре и с закрытыми глазами села в приемной, сердцем чувствуя, что никогда, до конца жизни, не забудет этого ужаса.

В эти минуты она впервые ненавидела Стивена, у нее было безумное желание позвонить ему, найти его, где бы он ни был, и сказать, что она никогда ему этого не простит, но Адриана понимала, что это бесполезно.

В дверях появилась сестра и с любезной улыбкой пригласила Адриану. Она проводила ее в довольно большое помещение, велела полностью раздеться, надеть голубой халат и сесть в кресло. Рядом стояло зловещего вида устройство, и Адриана догадалась, что это и есть вакуумный аппарат. В горле у нее пересохло, губы слиплись, словно смазанные клеем.

Ей хотелось только поскорее закончить процедуру, уехать домой и постараться все забыть. Еще она твердо знала, что уже никогда больше не допустит беременности. И все же, как это ни парадоксально, какая-то ее частичка по-прежнему хотела сохранить этого малыша, невзирая на то, что может произойти, что скажет Стивен, страдающий неврастением на почве собственного детства.

– Адриана? – приветствовал ее доктор, отворяя дверь, и ласково улыбнулся. – Как самочувствие, нормально?

Она кивнула, но не смогла ничего произнести и только с плохо скрываемым ужасом смотрела на него.

Доктор прошел в кабинет, закрыл за собой дверь и серьезно спросил:

– Вы уверены, что хотите этого?

Адриана опять кивнула, а потом со слезами на глазах замотала головой. Она была ужасно растеряна, испугана и несчастна. Ей хотелось быть дома, со Стивеном, и ждать их ребенка.

– Вы не обязаны это делать. И не надо, если не хотите. Ваш муж привыкнет к этой мысли. Многие мужья поначалу устраивают такие скандалы, а когда рождается малыш, радости их нет предела. Имейте это в виду, прежде чем решитесь на аборт.

– Я не могу... – едва слышно сказала Адриана. – Я просто не могу этого сделать... – повторила она, расплакавшись.

– Я тоже, – улыбнулся доктор. – Поезжайте-ка домой и скажите своему мужу, что... – он заглянул в историю болезни, – ...да, что в начале января мы вручим ему замечательного малыша. Как вам нравится такая перспектива?

– Нравится, даже очень, – улыбнулась Адриана сквозь слезы.

Пожилым врачом положил ей руки на плечи:

– Поезжайте, Адриана, домой, хорошенько отдохните и как следует поплачьте. И все будет хорошо, вот увидите. С мужем тоже все уладится.

Он похлопал ее по плечу и вышел из кабинета, чтобы Адриана могла одеться.

Торопливо, но с облегчением она натягивала вещи дрожащими руками. Она улыбалась сквозь слезы и чувствовала себя так, словно случилось чудо. Она была избавлена от чего-то ужасного и даже не знала, почему так произошло. Понятно было только, что во многом это заслуга умного и проницательного доктора.

Адриана поехала по направлению к дому, а потом передумала и повернула на работу. Почувствовав себя гораздо лучше, она захотела вновь сесть за письменный стол и погрузиться в дела. Встречный ветер трепал Адриане волосы, она глубоко вздохнула и улыбнулась: жизнь прекрасна, как и прежде, но теперь она будет еще лучше, когда у нее появится ребенок.

В редакцию Адриана вошла легким стремительным шагом, несмотря на громадную усталость. Утро выдалось тяжелым, как, впрочем, и несколько предыдущих дней, а вдобавок предстояло еще иметь дело со Стивеном после его возвращения из Чикаго.

Но теперь она по крайней мере знала, что делает. Напряжение последних дней спало, угнетенное состояние, похоже, прошло.

– Привет, Адриана! – просунув в дверь голову, поздоровалась Зелда. – У тебя все в порядке?

– Да, замечательно. А почему ты спросила?

– Знаешь, честно говоря, вид у тебя не самый лучший. Можно подумать, что тебя пропустили через мясорубку. Ты здорова?

Зелда была более наблюдательной, чем думала Адриана.

– У меня была небольшая простуда. – Адриана улыбнулась, благодарная Зелде за внимание. – Но теперь все о'кей.

– По-моему, ты брала отгулы на неделю, или я ошибаюсь?

Зелда пристально смотрела на коллегу, словно не знала, верить или не верить ее словам. Выражение лица Адрианы говорило, что она вполне счастлива и рада возвращению в свой офис.

– Я решила, что хватит гулять.

– Ты с ума сошла, – улыбнулась Зелда.

– Возможно. Хочешь, сходим попозже перекусить по сандвичу?

– Конечно. С удовольствием.

– Зайди за мной, как только будешь готова.

– Хорошо.

Зелда снова исчезла, Адриана же вернулась к накопившимся материалам. Мысль о ребенке продолжала немного пугать ее, но к этому, полагала она, можно будет привыкнуть, тогда как альтернативного варианта – Адриана это знала – она бы точно не пережила.

Адриану возмущало, что Стивен пытался заставить ее сделать аборт. Она задавала себе вопрос, смогут ли они оправиться от эмоциональных травм, нанесенных друг другу за минувшую пару дней, смогут ли их когда-нибудь забыть.

Затем она постаралась сосредоточиться на работе и не думать о муже. В конце концов, для обдумывания разговора с ним оставалось еще много времени.

Глава 8

Тем временем в другой студии, несколькими этажами ниже, Билл Тигпен, сидя на стуле, беседовал с режиссером и ворчал:

– Откуда я знаю, куда она делась? Она выехала из гостиницы неделю назад. Я не знаю, с кем и куда она отправилась. Она взрослая женщина, и меня ее дела не касались, если бы она не срывала работу над моим сериалом. Теперь меня это касается, но я все равно не знаю, куда она подевалась, черт подери.

Сильвия Стюарт не вернулась в то самое воскресенье из Лас-Вегаса, хотя и обещала.

В понедельник утром, по словам администратора, она покинула гостиницу. С тех пор прошло ровно девять дней, однако Сильвия так и не появилась на работе. Билл даже заезжал к ней домой, но и там ее не оказалось.

На прошедшей неделе им пришлось использовать альтернативные сценарные варианты, дальнейшие же трансляции из-за отсутствия Сильвии оказались под угрозой срыва. Необходимо было в ближайшие же дни найти ей замену.

Билл сказал об этом режиссеру и одному из ассистентов. Те уже звонили в одно из актерских агентств, но подобрать Сильвии замену, которая бы не слишком разочаровала при этом телезрителей, представлялось нелегким делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.